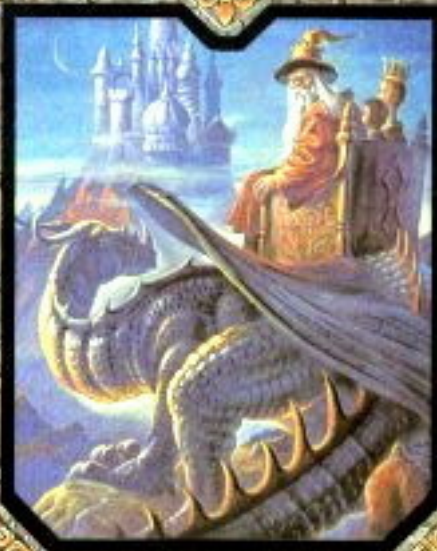


Fantasy

ДЖЕЙМС БРЭНЧ КЕЙБЕЛ

Сказание
о Мануэле



СЕРБИЯ САНДИ

Сказания о Мануэле

Джеймс Кейбелл

Юрген

1919

Кейбелл Д. Б.

Юрген / Д. Б. Кейбелл — 1919 — (Сказания о Мануэле)

Успеху Джеймса Бренча Кейбелла у русского читателя немало вредит успех Толкина. Эта книга выходит под грифом «фэнтези», который в действительности справедлив по отношению к американскому писателю ничуть не больше, чем по отношению к Мервину Пику или к тому же Толкину. Творил Кейбелл в первой половине XX века, когда о фэнтези еще и слуху не было, и занимался своими делами. Сравнить его уместнее не с фэнтези, а, например, со Свифтом, но если это и Свифт, то еще более ироничный и метафизически настроенный.

Содержание

Глава I	5
Глава II	8
Глава III	11
Глава IV	13
Глава V	19
Глава VI	22
Глава VII	27
Глава VIII	34
Глава IX	37
Глава X	41
Глава XI	44
Глава XII	46
Глава XIII	49
Глава XIV	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Юрген

(Комедия Справедливости)

*«Of Jurgен eke they maken menciouн,
That of an old wyf gat his youthe agoon,
And gat himselfe a shirte as bright as fyre
Wherein to jape, yet gat not his desire
In any countrie ne condicioun».*

*О Юргене я песнь пою,
Что юность вновь обрел свою,
Обрел рубаху – огонь, сверканье,
Но не обрел предмет желанья
Ни в преисподней, ни в раю.*

Глава I

Почему Юрген совершил мужественный поступок



Эту историю в Пуактесме рассказывают так. В стародавние времена жил один ростовщик по имени Юрген. Но жена частенько называла его куда более дурными именами. Она была вспыльчивой женщиной, не обладавшей особым даром молчания. Говорят, имя у нее было Аделаица, но люди обычно называли ее госпожой Лизой.

Рассказывают также, что в стародавние времена, закрыв как-то на ночь окна лавки, Юрген по пути домой проходил мимо цистерцианского монастыря, а один из монахов споткнулся на дороге о камень. Он проклинал дьявола, положившего его здесь.

– Фу, брат! – говорит Юрген. – Разве у дьявола недостаточно силы, чтобы перенести его?

– Я никогда не соглашался с Оригеном, – отвечает монах. – И, кроме того, у меня страшно болит большой палец.

– Тем не менее, – замечает Юрген, – богобоязненному человеку не надлежит говорить с неуважением о божественно назначенном Князе Тьмы. Для еще большего смущения рассмотри промысел этого монарха! Ты можешь заметить, что он денно и ночью трудится над задачей, поставленной перед ним Небесами. Такое можно сказать лишь о нескольких причастниках, но никак не о монахах. Подумай, к тому же, о его изящном искусстве, о котором свидетельствуют все те опасные и прелестные ловушки сего мира, бороться с которыми твое дело, а мое – ссужать на это деньги. А не будь его, мы оба остались бы без работы. Рассмотри также его филантропию и взвесь, насколько невыносимо было бы наше положение, если б ты и я, да и все наши прихожане сегодня водили бы дружбу с остальными зверями в Саду, отсутствие которого мы притворно чувствуем по воскресеньям! Встать со свиньей и лечь с гиеной?.. О, нестерпимо!

Так он пошел дальше, придумывая поводы для того, чтобы не размышлять слишком сурово о Дьяволе. Большею частью это были отрывки стихов, сочиняемых Юргеном в лавке, когда дела шли вяло.

– Я считаю, что все это чепуха и ерунда, – была реплика монаха.

– Без сомнения, в твоей точке зрения больше чувства, – заметил ростовщик, – зато в моей – красоты.

Затем Юрген миновал цистерцианский монастырь и уже подходил к Бельгарду, когда повстречал некоего черного господина, который поприветствовал его и сказал:

– Благодарю, Юрген, за доброе слово.

– Кто вы такой и почему меня благодарите? – спрашивает Юрген.

– Мое имя большой роли не играет. Но у тебя мягкое сердце, Юрген. Да будет твоя жизнь лишена забот!

– Спаси нас от зла и вреда, мой друг, но я уже женат.

– Эх, господа, такой изящный и умный поэт, как ты!

– Я уже с давних пор занимаюсь поэзией.

– Конечно же! У тебя темперамент художника, который не совсем соответствует ограничениям семейной жизни. Я предполагаю, что у твоей жены особое мнение о поэзии, Юрген.

– В самом деле, сударь, ее мнение нельзя повторить, ибо уверен, что вы не привыкли к таким выражениям.

– Весьма печально. Боюсь, жена не совсем тебя понимает, Юрген.

– Сударь, – говорит пораженный Юрген, – вы умеете читать самые затаенные мысли?

Черный господин казался весьма удрученным. Он сжал губы и начал что-то считать на пальцах: когда те двигались, острые ногти сверкали, словно язычки пламени.

– Весьма плачевно для тебя, – говорит господин в черном, – оказаться первым человеком, в котором я нашел готовность замолвить доброе слово о зле. Да к тому же, за все эти века! Это же самый прискорбный пример дурного управления! Неважно, Юрген, утро вечера мудренее. Теперь же я, разумеется, награжу тебя!

И Юрген вежливо поблагодарил прямодушного старика. А когда Юрген пришел домой, его жены нигде не было видно. Он искал ее, где только можно, и расспрашивал всех подряд, но безрезультатно. Госпожа Лиза исчезла во время приготовления ужина – внезапно, бесследно и необъяснимо, словно (в юргеновских образах) пронесся ураган и оставил позади себя спокойствие, которое, по контрасту, казалось жутким. Ничто не могло пролить свет на это чудо, своего рода магию, и Юрген вдруг вспомнил странное обещание черного господина. Юрген перекрестился.

– Как же несправедливо, – говорит Юрген, – в благодарность создавать людям скверную репутацию! Но я осознаю, насколько я мудр, что в этом мире сплетников всегда обо всех говорю любезно.

Затем он приготовил себе ужин, а после лег в постель и спал очень крепко.

– У меня безоговорочная уверенность в Лизе, – говорит он. – У меня исключительная уверенность в ее способности позаботиться о себе при любых обстоятельствах.

Все было очень хорошо, но время шло, и поползли слухи, что госпожа Лиза разгуливает по Морвену. Ее брат, бакалейщик и член городского совета, пошел туда проверить это сообщение. И действительно, в сумерках там бродила жена Юргена и непрестанно что-то бормотала.

– Фу, сестра! – говорит член городского совета. – Это весьма недостойное поведение для замужней женщины, и об этом, похоже, начнут говорить.

– Следуй за мной! – отвечает госпожа Лиза. И член совета последовал за ней в потемках, но, когда она пришла на Амнеранскую Пустошь и продолжала идти дальше, он понял, что лучше за ней не следовать.

На следующий вечер в Морвен отправилась старшая сестра госпожи Лизы. Эта сестра была замужем за нотариусом и считалась весьма проницательной женщиной. Как следствие этого, вечером она взяла с собой очищенный от коры ивовый прут. А по Пустоши в сумерках разгуливали жена Юргена и непрестанно что-то бормотала.

– Фу, сестра! – говорит жена нотариуса, которая была проницательной женщиной. – Разве ты не знаешь, что сейчас Юрген сам себе штопает носки и опять положил глаз на графиню Доротею?

Госпожа Лиза вздрогнула, но сказала лишь то же самое:

– Следуй за мной!

И жена нотариуса последовала за ней на Амнеранскую Пустошь и пересекла эту Пустошь, а там оказалась пещера. Об этом месте ходила дурная слава. В сумерках навстречу им вышел, высунув язык, тощий пес, но жена нотариуса трижды хлестнула его прутом, и молчаливый зверь оставил их. Госпожа Лиза молча прошла в пещеру, а ее сестра повернулась и, плача, отправилась домой к детям.

На следующий вечер Юрген сам пошел в Морвен, поскольку родственники жены убедили его, что нужно совершить этот мужественный поступок. Юрген оставил лавку на Уриена Вильмарша, считавшегося весьма достойным служащим. Юрген последовал за своей женой через Амнеранскую Пустошь и достиг пещеры. Юрген охотно оказался бы где-нибудь в другом месте.

Там сидел пес на задних лапах и, казалось, ухмылялся Юргену. А вокруг были и другие твари, летавшие в сумерках низко над землей, как совы. Но они были значительно крупнее сов, и от этого становилось не по себе. И, более того, все это происходило сразу после заката в канун Вальпургиевой ночи, когда случается даже более чем невероятное.

Тогда Юрген сказал немного брюзгливо:

– Лиза, моя дорогая, если ты войдешь в пещеру, мне придется последовать за тобой, поскольку нужно совершить этот мужественный поступок. А ты знаешь, как легко я просту- жаюсь.

Голос госпожи Лизы казался тонким и причитающим, он престранным образом изме- нился.

– У тебя на шее крест. Ты должен его выбросить.

Юрген носил крест из сентиментальных воспоминаний, поскольку тот когда-то принадлежал его покойной матери. Но теперь, к удовольствию жены, он снял эту безделушку и пове- сил на барбарисовый куст. И с мыслью, что дело, похоже, принимает скверный оборот, он последовал за госпожой Лизой в пещеру.



Глава II

Принятие примечательного одеяния

История рассказывает, что там было темно и Юрген не мог никого разглядеть. Но пещера тянулась вперед и вниз, а в дальнем конце мерцал свет. Юрген все шел и шел, и вскоре наткнулся на кентавра, и это его вовсе не удивило, поскольку Юрген знал, что кентавры являются воображаемыми существами.

Определенно, на него было интересно посмотреть. Нижняя часть была телом прекрасного гнедого коня, верхняя – загорелого молодого юноши, который смотрел на Юргена суровым, но далеко не недружелюбным взглядом. Кентавр лежал у костра, в котором горели кедровые и можжевеловые дрова и чем-то намазывал себе копыта. Это вещество по мере того, как кентавр втирал его пальцами, делало копыта похожими на золотые.

– Приветствую тебя, мой друг, – говорит Юрген, – если ты творенье Бога.

– Твое условное предложение звучит не совсем по-гречески, – замечает кентавр, – поскольку в Элладе мы не делаем таких оговорок. Кроме того, тебя волнует не столько мое происхождение, сколько цель моего путешествия.

– Хорошо, мой друг, куда же ты собираешься?

– В сад между рассветом и закатом, Юрген.

– Это, несомненно, прекрасное название для сада! И я бы с радостью увидел это место.

– Садись ко мне на спину, Юрген, и я доставлю тебя туда, – говорит кентавр и поднимается на ноги. Заметив же, что ростовщик колеблется, кентавр добавляет: – Поскольку, как ты должен понять, другого пути нет. Этот сад не существует и никогда не существовал там, что люди забавно называют реальной жизнью. В него могут войти, конечно же, лишь воображаемые существа вроде меня.

– Это звучит весьма разумно, – оценивает предложение Юрген, – но так случилось, что я ищу свою жену, которую, как я подозреваю, утащил дьявол. Бедняжка!

И Юрген начал объяснять кентавру, что произошло.

Кентавр рассмеялся.

– Возможно, по этой причине я здесь и нахожусь. В любом случае, существует лишь одно средство достижения этой цели. Над всеми дьяволами и всеми богами, – так мне говорят, но, несомненно, и над всеми кентаврами, – власть Кощея Бессмертного, который создал все таким, какое оно есть.

– Не всегда безопасно, – указал Юрген, – говорить о Кошее. Похоже, это особо нежелательно в таком темном месте.

– Тем не менее я подозреваю, что в поисках справедливости ты должен отправиться именно к нему.

– Я бы предпочел этого не делать, – сказал Юрген с неподдельной искренностью.

– Я тебе сочувствую, но вопрос предпочтения не стоит, когда речь идет о Кошее. Или ты думаешь, например, что я околачиваюсь в этом подземелье по собственному желанию? И случайно узнал твое имя?

Юрген немного испугался.

– Хорошо, хорошо! Но совершение мужественного поступка обычно предполагает наличие всяких там чертей. Как же тогда смогу я дойти до Кощея?

– Окольным путем, – ответил кентавр. – Другой дороги нет.

– А путь в этот сад окольный?

– О, во многом, поскольку он обходит как судьбу, так и здравый смысл.

– Значит, необходимость требует, – сказал Юрген. – Во всяком случае, я готов отведасть любой напиток.

– Однако ты простудишься, путешествуя вот так. В поисках справедливости мы отправимся в странный путь над могилой мечты и через злобу времени. Так что тебе лучше всего надеть поверх своей одежды вот эту рубаху.

– В самом деле, это прекрасное и удобное блестящее одеяние с любопытным рисунком. Я с радостью принимаю такое облачение. И кого же мне благодарить за доброту?

– Меня зовут, – сказал кентавр, – Несс.

– Тогда, друг Несс, я к твоим услугам.



В один миг Юрген оказался на спине кентавра, и они вдвоем каким-то образом выбрались из пещеры и помчались по Амнеранской Пустоши. Так они попали в некий лес, где совсем необъяснимо еще виднелся отсвет заката. Теперь кентавр направился на запад. На плечах ростовщика, на его груди и согнутых руках сверкала, словно радуга, многоцветная рубаха Несса.

Через некоторое время они миновали лес, состоявший из больших деревьев, росших достаточно далеко друг от друга через равные промежутки, не прерываемые каким-либо подлеском, и золоченные копыта кентавра шуршали по толстому серо-бурому ковру палой листвы. А потом лес кончился, и они выехали на белую дорогу, тянувшуюся на запад. Тут произошло нечто совершенно немыслимое, во что Юрген никогда бы не поверил, не узри он этого своими собственными глазами. Теперь кентавр скакал настолько быстро, что понемногу нагонял солнце, таким образом вынуждая его понемногу подниматься над горизонтом все выше. И они неслись на запад в сиянии былого заката. Солнце било Юргену в лицо, пока они скакали прямо на запад, так что он заморгал, прикрыл глаза и смотрел то в одну сторону, то в другую. Таким образом, местность вокруг него и люди, которых они миновали, виделись ему в коротких вспышках света, словно картины, внезапно сменяемые другими картинами. И соответственно все его воспоминания об этой сверкающей дороге были путанными и бессвязными.

Он удивлялся, что по пути к саду им попадалось очень много молодых женщин. Тут была и стройная девушка в белом, дразнившая крупную рыже-бурю собаку, неуклюже тершуюся у ее ног, и девушка, сидевшая на ветвях искривленного и сучковатого дерева, а позади нее текла широкая мутная река, в лучах солнца отливавшая медью, и прекрасная высокая девушка на коне, которая, по-видимому, кого-то ждала. Словом, девушек вдоль дороги было великое множество, и Юргену показалось, что он узнал пару из них.

Но кентавр скакал настолько резво, что Юрген не мог быть в этом уверен.



Глава III

Сад между рассветом и закатом

Юрген и кентавр добрались до сада между рассветом и закатом, войдя в него так, что это не совсем удобно описывать. В то время как они переходили через мост, перед ними с криками выбежали трое. А когда жизнь была выдвлена из их маленьких, покрытых шерстью тел, уже некому было препятствовать вхождению кентавра в сад между рассветом и закатом.

То был прекрасный сад, однако в нем не было ничего странного. Возникло такое впечатление, что все здесь было до боли знакомо и весьма дорого Юргену. Он подошел к широкой лужайке, спускающейся на север к достопамятному ручью. Тут и там в беспорядке стояли многочисленные клены и акации, и ими лениво играл нерешительный западный ветер, так что листва повсюду металась и дрожала, словно зеленый поток. Но осень была не за горами, и с акаций лился Данаин дождь из круглых желтых листочков. Сад со всех сторон окружали незабываемые голубоватые холмы. Повсюду таился прозрачный полумрак, не освещенный ни солнцем, ни звездами, и вокруг в рассеянном слабом излучении, озарявшем этот сад, который был виден лишь в краткие промежутки между рассветом и закатом, не было ни единой тени.

– Но это же сад графа Эммерика в Сторизенде, – промолвил Юрген, – где я чудесно проводил время еще юношей.

– Держу пари, – сказал Несс, – ты гулял по этому саду не в одиночку.

– В общем, нет. Там еще была девушка.

– Точно, – согласился Несс. – Таков местный указ: и вот те, кто ему подчиняется.

В лучах рассвета к ним подошли привлекательные юноша и девушка. Девушка была невероятно красива, поскольку все в саду видели ее глазами юноши, бывшего с ней.

– Меня зовут Рудольф, – сказал юноша, – а ее Анна.

– И вы здесь счастливы? – спросил Юрген.

– О да, сударь, мы счастливы, но отец Анны очень богат, а моя мать бедна, так что мы не можем быть совершенно счастливы до тех пор, пока я не отправлюсь в чужие края и не вернусь со ста тысячами рупий и песо.

– И что ты будешь делать со всеми этими деньгами, Рудольф?

– Выполнять свой долг, как я его вижу. Но я унаследовал плохое зрение.

– Бог поспособствует тебе, Рудольф! – сказал Юрген. – Как и многим другим в твоём положении.

Затем к Юргену и кентавру подошел еще один юноша с маленькой голубоглазой особой, от одного присутствия которой он приходил в восторг. И этот толстый и ленивый на вид юноша осведомил их, что он со своей девушкой гуляет по гляncу банки с горчицей, что Юрген воспринял как тарабарщину, а толстяк сказал, что он со своей девушкой решил больше не взрослеть, и Юрген воспринял это как замечательное проявление здравого смысла, если только у них это получится.

– О, у меня получится, – задумчиво сказал толстяк. – Если только при этом не возникнет неудобств.

Юрген какое-то время рассматривал его, а затем важно пожал ему руку.

– Я сочувствую тебе, – сказал Юрген, – ибо осознаю, что ты тоже чудовищно умный малый: поэтому жизнь тебя обжулит.

– Но разве ум не самое главное, сударь?

– Время покажет, дружок, – ответил Юрген немного печально. – И Бог поспособствует тебе, как и многим другим в твоём положении.

И встретил Юрген в саду сонм юношей и девушек. И лица, увиденные Юргеном, были молоды, радостны, весьма прелестны и необычайно самоуверенны, а юноши и девушки толпами приближались к Юргену и проходили мимо него в первых лучах рассвета. И вот так все они шли, ликуя в сиянии собственной юности, а будущая жизнь казалась им лишь неким тщедушным антагонистом, от которого можно с невероятной легкостью получить все, что пожелаешь. И все проходили парами – «словно вышли из Ковчега», сказал Юрген. Но кентавр сказал, что они унаследовали традиции, которые намного старше Ковчега.

– В этом саду, – сказал кентавр, – пребывает некоторое время каждый человек лишь в окружении своих иллюзий. Я вновь должен тебе напомнить, что в этом саду не встретишь никого, кроме воображаемых существ. Выдающиеся люди отдыхают здесь час-другой и уходят отсюда в одиночестве, чтобы стать старейшинами, и уважаемыми всеми торговцами, и епископами, и восхитительными полководцами на гарцующих конях, или даже королями на высоких тронах. Каждый, находясь потом на своем месте, больше вообще никогда не думает о саде. Но то и дело появляются робкие люди, Юрген, которые страшатся оставить этот сад без сопровождения. Они считают необходимым уйти отсюда с тем или иным воображаемым существом, которое проведет их по тропинкам и обходным путям, ведь воображаемые существа находят не много пропитания на общедоступных дорогах и избегают их. Таким образом, эти робкие люди должны красться в потемках со своими застенчивыми или игривыми провожатыми, и они никогда не рискнут по своей охоте появиться в тех людных местах, где скачут на конях и возводят троны.

– И что становится с этими робкими людьми, кентавр?

– Порой они переводят бумагу, Юрген, а порой переводят человеческие жизни.

– Тогда это отвратительные люди, – решил Юрген.

– Тебе лучше знать, – ответил кентавр.

– О, весьма вероятно, – сказал Юрген. – Между тем здесь есть некто, кто гуляет по саду в одиночку, и меня удивляет, что нарушаются местные указы.

Несс какое-то время смотрел на Юргена, ничего не говоря. И во взоре кентавра было так много понимания и сочувствия, что Юрген встревожился. Такой взгляд показался ему весьма неприятным.

– Да, несомненно, – сказал кентавр, – та женщина гуляет в одиночку. Но ее одиночеству не поможешь, так как юноша, любивший эту женщину, умер.

– Несс, мне бы хотелось благоразумно пожалеть об этом факте. Однако стоит ли принимать столь скорбный вид? В конце концов, умерло огромное количество людей, и, если посмотреть с другой стороны, этот молодой человек мог вообще не оказаться особой потерей для кого-либо.

И вновь кентавр сказал:

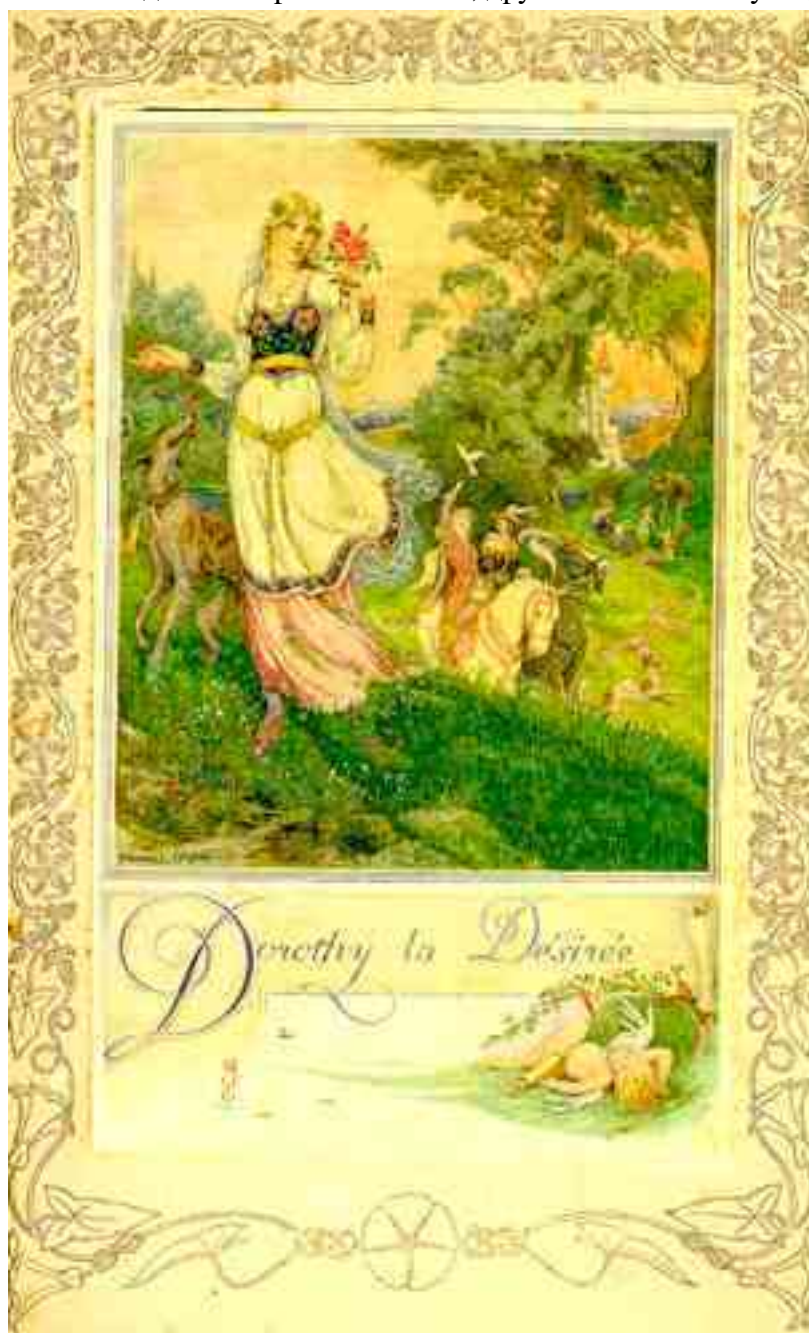
– Тебе лучше знать.



Глава IV

Доротея непонявшая

В этот момент к Юргену и кентавру подошла златовласая женщина, одетая во все белое, – та, что гуляла в одиночку. Она была высока, привлекательна и нежна, ее миловидность не была румяно-бледной, как у многих дам, славившихся своей красотой, но скорее имела ровный блеск слоновой кости. У нее был большой, с горбинкой, нос, а изогнутый рот – не из самых маленьких. И однако, что бы ни говорили другие, для Юргена внешность этой женщины была во всем совершенной. Вероятно, происходило так потому, что он никогда не видел ее такой, какой она была на самом деле. Ибо несомненно, что цвет ее глаз навечно остался для Юргена загадкой – нельзя было сказать, серые они, голубые или зеленые: они менялись, как море, но вместе с тем глаза эти всегда были привлекательны, дружелюбны и волнующи.



Юрген вспомнил это, увидев, что то была вторая сестра графа Эммерика, Доротея ла Желанэ, которую Юрген давным-давно (за много лет до того, как повстречал госпожу Лизу и завел ростовщическое дело) воспел в бесчисленных стихах под именем Желанье Сердца.

«И это единственная женщина, которую я когда-либо любил», – вспомнил Юрген внезапно, так как люди не могут постоянно думать о таких тонких материях.

И он поприветствовал ее с почтительностью, соответствующей обращению лавочника к графине, но и с незабываемым трепетом, пробудившимся в его степенном теле. Но самым странным, как он сейчас заметил, являлось то, что это была не привлекательная женщина средних лет, но молодая девушка.

– Ничего не понимаю, – сказал он вслух, – ведь вы – Доротея. И, однако, мне кажется, что вы не графиня Доротея, жена гетмана Михаила.

А девушка тряхнула светлыми прядями беззаботным, милым движением, которое графиня уже забыла.

– Гетман Михаил достаточно хорош для дворянина, и мой брат денно и ночно уговаривает меня выйти за него замуж. И, несомненно, жена гетмана Михаила будет появляться в атласе и бриллиантах при половине дворов христианского мира, и ей будет прислуживать множество лакеев. Но меня этим не купишь.

– Так давным-давно вы и сказали одному юноше, которого я помню. Однако вы вышли замуж за гетмана Михаила, несмотря на все это и вопреки большому числу других блистательных заявлений.

– О нет, только не я, – удивившись, сказала эта Доротея. – Я никогда ни за кого не выходила замуж. И гетман Михаил до сих пор еще не женился. Но ему сейчас двадцать восемь, и он к этому ежедневно стремится! Но кто вы, мой друг, и откуда у вас такие любопытные сведения обо мне?

– На этот вопрос я отвечу, словно он поставлен вполне разумно. Вы наверняка осознаёте, что я – Юрген.

– Я знала лишь одного Юргена. И тот был юношей, едва ли совершеннолетним... – Тут она прервала свою речь, и, каким бы ни был предмет, о котором задумалась эта девушка, мысль о нем нежно окрасила ее щеки, а воспоминание придало ее взору бесконечную радость.

И Юрген все понял. Он непостижимым образом вернулся к той Доротее, которую любил, но оставил. В прошлом же, наверстанном резвыми копытами кентавра, остался юноша, который когда-то любил эту Доротею и слагал о ней вирши как о Желанье Сердца Своего. Но в саду не было и следа этого юноши. Вместо него девушка разговаривала со степенным и полноватым ростовщиком сорока с лишним лет.

Юрген пожал плечами и посмотрел на кентавра, но Несс благоразумно отошел от них в поисках клевера. Теперь восток светлел, и его багрянец начинал отливать золотом.

– Да, я слышал о том, другом, Юргене, – сказал ростовщик. – О, госпожа Доротея, но он же любил вас!

– Не больше, чем я любила его. Целое лето любила я Юргена.

И осознание того, что девушка говорит удивительную истину, теперь пронзило Юргена острой, как боль, радостью. И он какое-то время стоял неподвижно, хмурясь и покусывая губы.

– Интересно, как долго бедняга любил вас! Может, он тоже любил целое лето. Однако, может быть, он любил вас всю свою жизнь. В течение двадцати лет и даже более двадцати лет я обдумывал это: и увлечен этим сейчас так же, как и в самом начале.

– Но, мой друг, вы говорите загадками.

– Разве это не обычное дело, когда взрослый говорит с молодым? Ведь я – старый человек, которому за сорок... или, скорее, без четырех месяцев восемнадцать, поскольку сейчас август. Нет, больше, это же август того года, который бы я пожелал никогда не увидеть снова. И снова

нами правит дон Мануэль, тот железный человек, ужасную смерть которого я видел. Все это кажется весьма невероятным.

Тут Юрген на некоторое время задумался. Потом пожал плечами.

– Что можно ожидать от меня в данном случае? Каким-то образом случилось так, что я, ставший лишь тенью того, кем я был, разгуливаю ныне среди теней, и беседую с прошлым. Госпожа Доротея, – а вам нет еще и восемнадцати, – в этом же саду когда-то бывал юноша, любивший одну девушку так страстно, что одно воспоминание об этом ставит меня сейчас в тупик. Я верю, что и она его любила. Да, несомненно, весьма полезно усталому и изношенному сердцу, которое перекачивает мою кровь теперь, думать о том, что некогда, на протяжении целого лета, эти двое были такой прекрасной, привлекательной и чистой парой влюбленных, какая только возможна в подлунном мире.

Так говорил Юрген. Но его мысль заключалась в том, что это была девушка, равной которой по красоте и прелести не найти между двух океанов. Давным-давно сомнение, обволакивающее его, как кожа, привело Юргена к выводу, что та Доротея, которую он любил, была лишь твореньем его воображения. Но, несомненно, эта девушка была реальна. И мила была она, и невинна, и легка сердцем и поступью, и находилась за пределами изобретательности человеческого ума. Нет! Юрген ее не выдумал, и это странным образом его волновало.

– Расскажите мне про себя, сударь, – попросила девушка, – я люблю все романтическое.

– О, мое дорогое дитя, я не смогу рассказать тебе вполне складно о случившемся. Когда я смотрю в прошлое, меня слепит сияние зеленых лесов, лугов, лунных ночей, музыки и беспричинного смеха. Я вспоминаю ее волосы и глаза, изгиб и прикосновение ее алого рта, вспоминаю, как однажды, когда я был смелее, чем обычно... Но едва ли стоит на склоне лет бередить старые переживания. И хотя я вижу все это в памяти так же отчетливо, как сейчас вижу твое лицо, но я едва ли могу припомнить ее слова. Вероятно, как я теперь думаю, она не была очень умна и не сказала ничего, достойного воспоминаний. Но юноша любил ее и был счастлив, поскольку ее губы и сердце принадлежали ему, и он, как говорится, вызволил бриллиант из кольца, принадлежавшего высшему свету. Поистине, она была дочерью графа и сестрой графа, но в те дни юноша вполне твердо намеревался стать герцогом, или императором, или кем-то еще в том же роде, так что разница в социальном положении их не беспокоила.

– Знаю. Юрген тоже собирался стать герцогом, – сказала девушка с гордостью, – хотя еще прежде, много лет тому назад, до того, как мы познакомились, он мечтал стать кардиналом – из-за их одеяний. Но кардиналам, понимаете ли, нельзя жениться... Но я прервала ваш рассказ! Что случилось потом?

– В сентябре они расстались... дав клятвы, которые сейчас едва ли имеют значение... и юноша отправился в Гатинэ, чтобы заслужить звание рыцаря при дворе старого видама де Суаэкура. И там-то... о, задолго до Рождества!.. пришло известие, что Доротея ла Желанэ вышла замуж за богача гетмана Михаила.

– Но к этому-то меня и призывают! И, как вы знаете, существует некий гетман Михаил, который вечно мне досажает. Разве не странно? Ведь вы утверждаете, что все это произошло много лет тому назад.

– В самом деле, история очень стара, она была стара еще тогда, когда у Мафусаила только резались зубы. Нет более старой и более типичной истории. В качестве высокопарного продолжения можно было бы сказать вам, что жизнь этого юноши оказалась сломана. Но не думаю, что было так. Скорее всего, он внезапно узнал то, что для двадцатилетнего является опьяняющим знанием. Тот час научил его печали и гневу, но также и насмешке ради спасения. О, именно это оружие принес ему тот час, да еще склонность использовать его, и теперь ни одна женщина не смогла бы причинить ему серьезную боль. Нет, больше уже никогда!

– Ах, бедный юноша! – сказала девушка нежно, с улыбкой богини, улыбающейся не совсем от радости.

– В общем, женщины, как он узнал теперь из собственного опыта, были приятнейшими сотоварищами по играм. И он начал играть. Он отправился буйствовать по свету с гордостью молодости и во всеоружии боли. И он слагал песни для удовольствия королей, и фехтовал для удовольствия мужчин, и нашептывал комплименты для удовольствия женщин в местах, где был знаменит, и смело самоутверждался, доставляя всем удовольствие в те прекрасные дни. Но нашептывание и все, что следовало за нашептыванием, было самой лучшей игрой – игрой, в которую он играл дольше всего со многими ярко раскрашенными партнершами, воспринимавшими игру более серьезно, нежели он. И их веру в важность игры, в него и его высокопарный вздор он очень часто находил занятной. А от других их достоинств он также получал естественное удовольствие. Затем, когда он вполне наигрался, то прибегнул к советам рассудительных людей, советам остепенившегося влечения. И он женился на миловидной дочери достойного уважения ростовщика, честно ведшего свое дело. И жил с женой так, как обычно живут вместе два человека. И, в конце концов, я не сказал бы, что его жизнь была сломана.

– Что ж, значит, так и было, – сказала Доротея. Она с нетерпеливым вздохом беспокойно передернула плечами, и было видно, что она крайне смущена. – О, но мне почему-то думается, что вы весьма жуткий старикашка. И вы кажетесь еще более жутким в этом странном блестящем одеянии.

– Ни одна женщина никогда еще не хвалила дело рук другой женщины, и каждая из вас особенно бранит свое собственное. Но вы прервали мое сказание.

– Не понимаю, – сказала девушка, и большие сияющие глаза, цвет которых был так неопределенен и так дорог Юргену, казались теперь еще больше. – Я не понимаю, как все это могло обрести счастливый конец.

– Тем не менее человеческие сердца переживают благословение священника, что вы можете видеть каждый день. Этот человек в конце концов унаследовал дело своего тестя и нашел это, совершенно так, как и предвкушал, занятием, наиболее подходящим для отставного поэта. И этим, предполагаю я, он был удовлетворен. О да, но через некоторое время из чужих краев вернулся гетман Михаил вместе со своими лакеями, столовым серебром и сундуками добра, с прекрасными лошадьми и женой. И юноша, бывший некогда ее возлюбленным, мог теперь видеть ее, после многих лет, когда ему вздумается. Теперь она стала для него некоей миловидной незнакомкой. Вот и все. Она была весьма глупа. В ней, так или иначе, не было ничего замечательного. Уважаемый всеми ростовщик видел это совершенно ясно: изо дня в день он терзался осознанием этого, поскольку, как я должен вам сказать, он не мог сохранять самообладание в ее присутствии даже теперь. Нет, он никогда на это не был способен.

При этом известии девушка нахмурилась.

– Вы имеете в виду, что он ее по-прежнему любил. Ну, конечно же!

– Дитя мое, – отвечал Юрген, в порицательном жесте подняв указательный палец, – ты – неизлечимый романтик. Человек ее больше не любил и даже презирал. В любом случае, он уверил себя, что это так. Но миловидная и глупая незнакомка все равно приковывала его взгляд, путала его мысли и вносила ошибки в его расчеты, а когда днем он касался ее руки, то не спал ночами. Так он видел ее изо дня в день. А люди шептались, что эта миловидная и глупая незнакомка имеет расположение к молодым людям, помогавшим ей искусно обманывать мужа. Но она ни разу не выказала какого-либо благоволения уважаемому всеми ростовщику. Ибо его юность прошла, и казалось, что ничего особенного не случилось. В общем, вот его сказание. О ней я ничего не знаю. И никогда не узнаю! Но определенно поговаривали, что она обманывала гетмана Михаила с двумя молодыми людьми или, может, с пятью молодыми людьми, но ни разу с уважаемым всеми ростовщиком.

– Полагаю, что это чрезвычайно циничная и глупая история, – заметила девушка. – А я отправляюсь на поиски Юргена. В любви он весьма занятен, – проговорила Доротея со сладчайшей и прелестнейшей задумчивой улыбкой, достойной рая.

И там, в саду между рассветом и закатом, на Юргена нашло безумие и неверие в такую несправедливость, которая теперь казалась немислимой.

– Нет, Желанье Сердца! – воскликнул он. – Я не отпущу тебя. Ты – дорога мне, чиста и верна, и все мои дурные сны, в которых ты распутничала и дурачила меня, не были правдой. Наверняка мои сны никогда и не могли быть правдой, пока на земле существует справедливость. Можно ли вообразить себе Бога, который бы позволил, чтобы у юноши украли то, что в моих дурных снах было у меня отобрано!

– И все же я не понимаю ваших речей об этих снах!..

– Что ж, мне кажется, я потерял многие свои достоинства, и остался лишь мозг, играющий идеями, да тело, слабо идущее вперед удобными путями. И я не мог верить в лучшее, как верили мои товарищи, и не мог их любить, и не мог обнаружить ничего в том, что они говорили или делали, кроме их чрезвычайной глупости, потому что я потерял их общую искреннюю веру в важность использования ими получаса, месяца или многих лет. И потому, что одна ветреница открыла мне глаза и я увидел слишком много, я потерял веру и в важность своих собственных поступков. Было мало времени, за которое прошлое могло бы стать приемлемым, по ту сторону зияющей непредсказуемой тьмы: а это все, что где-либо определенно существовало. Скажи мне, Желанье Сердца, разве это всего лишь не дурацкая мечта? Ведь всего этого никогда не происходило. Что ж, было бы нечестно, если б такое когда-либо произошло!

Глаза девушки были широко открыты, а она смущена и немного напугана.

– Я не понимаю того, что вы говорите, и в вас есть нечто такое, что невыразимо меня тревожит. Вы называете меня именем, которым пользовался лишь Юрген, и мне кажется, что вы – Юрген. И, однако, вы – не Юрген.

– Но я поистине Юрген. И посмотрите же, я сделал то, чего не делал прежде ни один человек: я добрался до той первой любви, которую каждый должен потерять, неважно, на ком он женат. Я вновь вернулся, очень быстро промчавшись над могилой мечты и через злобу времени к Желанью Сердца Моего! И насколько странным кажется то, что я не знал, что такое неизбежно!

– Все же, мой друг, я вас не понимаю.

– А я зевал и мучился в приготовлениях к некоему великому и прекрасному приключению, которое вскоре должно было со мной произойти, и с изумлением продолжал трудиться. Тогда как позади меня все это время находился сад между рассветом и закатом, в котором меня ждала ты! Теперь несомненно, что жизнь каждого человека есть причудливо построенный рассказ, в котором справедливая и соответствующая концовка появляется в самом начале. Поэтому время бежит вперед не как в схоластической притче, по прямой, но по замкнутой кривой, возвращаясь к месту своего начала. И именно благодаря смутному предвидению этого и некоему слабому предвкушению вскоре даруемой им справедливости люди имеют силы жить. И теперь я уверен, что всегда это знал. Зачем еще было жить праведно, если это не привело бы меня назад к тебе?

Но девушка очень грустно покачала своей великолепной головкой.

– Я не понимаю вас и боюсь. Вы говорите глупости, а в вашем лице я вижу лицо Юргена, как можно видеть лицо мертвеца, утонувшего в мутной воде.

– Однако я поистине Юрген, и, как мне кажется, впервые с тех пор, как мы расстались. Я силен и восхитителен – даже я, который так долго насмехался и играл, поскольку думал о себе, как о вообще никчемном человеке. То, что случилось с тех пор, как мы с тобой были молоды, – лишь растаявший туман. И все мое существо полно неутолимой жажды тебя, моя дорогая, и я не отпущу тебя, потому что лишь ты, ты одна – Желанье Сердца Моего.

Девушка взглянула на него очень серьезно и смущенно нахмурилась, а ее нежные юные губы слегка раскрылись. И вся ее мягкая прелесть была озарена светом небес, приобретающих цвет золотого песка.

– Но вы говорите, что вы – сильны и восхитительны, а я могу лишь дивиться таким речам, так как вижу то, что видят все люди.

И тут Доротея показала ему зеркальце, висевшее на длинной бирюзовой цепочке у нее на шее. И Юрген внимательно всмотрелся в испуганное глуповатое лицо пожилого человека, которое он обнаружил в зеркале.

С ужасающей внезапностью к Юргену вернулся здравый рассудок: и пыл его страсти угас, и жар, буря и стремительное кружение затихли, и человек почувствовал себя очень утомленным. А в тишине он услышал пронзительный крик птицы, которая, казалось, искала то, чего никак не могла найти.

– Я получил ответ, – сказал ростовщик, – однако я знаю, что он не окончательный. Дороже любой небесной надежды был тот миг, когда впервые проснулись устрашающие догадки при виде незнакомых прелестных черт на лице Доротеи. Тогда-то я и заметил нежный румянец, покрывавший ее лицо от подбородка до лба, когда наши глаза встретились, и обнаружил новый свет в сияющих глазах, которые больше не могли совершенно честно встретиться с моим взглядом. Пусть будет так, я не люблю жену гетмана Михаила...

...Горько вспоминать, как мы предавались нашей любви и находили служение ей прелестным. Мучительно воскрешать в памяти сладость тех клятв, что объявили ее моей навеки, – клятв, что прерывались долгими, незабываемыми поцелуями. Мы тогда обычно смеялись над гетманом Михаилом, мы смеялись вообще надо всем. И некоторое время, целое лето, мы были такой прекрасной, привлекательной и чистой парой возлюбленных, какая только известна миру. Но пусть будет так, потому что я не люблю больше жену гетмана Михаила...

...Наша любовь была честна, но недолговечна. Никто не может оживить ее, поскольку ножки Доротеи растоптали жизнь этой любви. Однако раз эта наша жизнь тоже завершилась – эгоистичная жизнь, которая не могла позволить нам любить кого-либо другого, – не должны ли мы каким-то образом добраться до той веры, которой мы поклялись перед вечностью, и вновь ощутить удовлетворение в некоем сказочно-красочном царстве? Я думаю, это несомненно произойдет. Пусть будет так, я не люблю жену гетмана Михаила.

– Что ж, слушать вас – одно удовольствие, – заметила Доротея, – поскольку я вижу, как вы обращаете свою печаль в сырье для стихов. А я отправляюсь на поиски Юргена, так как он любит совершенно иначе и намного занятнее.

И опять, каким бы ни был предмет, о котором задумалась девушка, мысль о нем нежно окрасила ее щеки, а воспоминание придало взору бесконечную радость.

Это длилось лишь мгновение. Девушка оставила Юргена, дружески помахав ему рукой, и ушла от него, больше не думая об этом старике (как он мог видеть) уже в тот миг, когда отвернулась от него. И она направилась в сторону рассвета на поиски того юного Юргена, которого она, будучи во всем совершенна, любила, хотя и весьма недолго, но вполне заслуженно.



Глава V

Требования хлеба с маслом

– Несс, – говорит Юрген, – неужели я так изменился? Ведь та Доротея, которую я любил в юности, не узнала меня.

– У добра и зла очень точные расчеты, – отвечал кентавр, – и лицо каждого человека – своеобразный гроссбух. Между тем солнце встает, начинается новый день. А когда тени тех двоих, что придут сюда, упадут на сад, предупреждая тебя, поразительные перемены будут вызваны требованиями хлеба с маслом. У тебя нет времени оживлять старые воспоминания беседами с теми, с кем ты был в саду прежде.

– О, кентавр, в саду между рассветом и закатом никогда не было никого, кроме Доротеи ла Желанэ. Кентавр пожал плечами.

– Возможно, ты все забыл. Определенно, ты недооцениваешь окружающих людей. Тех случайных посетителей, которых ты видел. Вдобавок поблизости круглый год обитают все разновидности воображаемых существ. К югу отсюда живут феи, и там же гномы. Справа от тебя – царство Валькирий; их союзники – Амазонки и Кинокефалы. Все три этих народа находятся в постоянной вражде со своими соседями – Бабами-Ягами, для которых стряпает Морфей и чьим монархом является Ох – существо чрезвычайно опасное, чтобы называть его по имени. К северу обитают лепрехуны и Люди Голода, чьим королем является Клобхэр. Мой народ, которым правит Хирон, живет еще дальше к северу. Там в горах пасется Сфинга, а Химера сейчас стара и всеми осмеивается. Говорят, что в сумерки Сфингу посещает Цербер, хотя я никогда не распространял сплетен...

– Кентавр, – сказал Юрген, – а что здесь делает Доротея?

– Ведь здесь живут все женщины, которых когда-либо любил мужчина, – ответил кентавр, – по весьма очевидным причинам.

– Это суровые слова, мой друг.

Несс постучал указательным пальцем Юргену по тыльной стороне ладони.

– Мясо для червей! Делай что угодно, но эта пища предназначена маленьким белым червям. Оно вскоре станет бурлящей бледной гнилью, наподобие кипящего молока. Это тоже суровые слова. Но они истинны.

– И та Доротея, которую я любил в юности, была воображаемым существом?

– Мой бедный Юрген, ты, который когда-то был поэтом! Она – шедевр твоего воображения. Ведь это была лишь пустая, глупая и ветреная, горбоносая и белобрысая барышня, не обладающая особо примечательной внешностью – и оцени, что твое искусство сотворило из столь бедного материала! Ты должен собой гордиться!

– Нет, кентавр, я не могу вполне гордиться своей глупостью, однако я о ней не сожалею. Я был одурочен яркой тенью собственного создания, говоришь ты мне, и допускаю, что, вероятно, это так. Тем не менее я служил прелестной тени, и мое сердце будет хранить память о той прелести до конца жизни, в некоем мире, где другие люди, задыхаясь, следуют за тенями, которые даже не привлекательны.

– В этом что-то есть, Юрген. Что-то также есть и в одной старой истории, которую мы обычно рассказываем в Фессалии, о лисе и винограде.

– Но послушай, Несс, существует император, что правит нынче в Константинополе и время от времени имеет дела со мной. Да, я мог бы рассказать тебе историю про то, какими хитростями он достиг трона...

– Люди при восхождении обычно марают руки, – процитировал кентавр.

– «Юрген, – говорит мне этот император несколько месяцев тому назад, сидя в своем дворце венценосный и тоскливый, пытаясь при выплате моей честной прибыли надуть меня на несколько изумрудов, – Юрген, я не сплю ночами из-за дурака Алексия, который является ко мне в покои с выпученными глазами и тетивой вокруг шеи. А мои варяги, должно быть, в сговоре с этим слабоумным призраком, потому что я постоянно приказываю им не допускать Алексия ко мне в спальню, а они не повинуются. Быть Царем Востока совсем не просто, Юрген, когда нужно покоряться таким обстоятельствам». Да, это мне говорил сам кесарь Фарамон, а я делаю вывод, что тень венца доведет его до ужасно плачевного состояния, несмотря на то что он – могущественнейший монарх на свете. И я не поменялся бы местами с кесарем Фарамоном, я, уважаемый всеми ростовщик со своим домом и наделом земли. Разумеется, это чудесный мир, а этот сад посещают не более странные существа, чем те, что порой появляются у человека в голове, а он и сам не знает, как это случилось.

– Но ты должен понять, что сад вскоре будет переделан. Вон там ты можешь заметить двоих, которые требуют очистить это место от всех фантастических, бесполезных видений и которые преобразуют естественные богатства этого сада согласно всеобщему одобренному методу.

И вдалеке Юрген разглядел две фигуры, приближавшиеся с востока, настолько высокие, что их головы поднимались над окружающими холмами и озарялись лучами солнца, которого еще не было видно. Один из приближавшихся был белый, одутловатый на вид великан со сварливым выражением лица: он шел, опираясь на палку. Другой великан был бледно-желтым; его лицо лоснилось, и он ехал верхом на огромной корове, которую звали Аудумла.

– Двигай туда, брат, со своим посохом жизни, – говорит желтый великан, – там есть чем заняться.

– Да, брат, это место должно сильно измениться, чтобы удовлетворять нашим требованиям, – проворчал другой. – Пусть меня поджарят на костре, если я знаю, с чего начать!

А когда великаны обратили свои скучные и грубые лица к саду, солнце поднялось над кругом голубых холмов, так что слитые воедино тени двух великанов упали на сад. На мгновение Юрген увидел, что местность накрыта длиннющей узкой тенью: так в геральдике можно увидеть черную полосу, начертанную прямо поперек ярко раскрашенного щита. Затем окружающее сияние задрожало и исчезло, как лопнувший пузырь.

А Юрген стоял посреди чистого поля, добросовестно вспаханного, но на котором еще ничего не возшло. А кентавр, похоже, по-прежнему был с ним. Юрген заметил копыта этого существа, но все золото смылось или стерлось с них во время путешествия.

– Видишь, Несс! – воскликнул Юрген. – Сад опустел. О, Несс, разве справедливо, что такая прелесть должна быть уничтожена?

– Не-е, – ответил кентавр, – не-е! – Долго, причитающе он ржал: – Не-е!

А когда Юрген поднял голову, то увидел, что его спутник – не кентавр, но лишь заблудившаяся верховая лошадь.

– Был ли ты прежде животным, – говорит Юрген, – и обычное ли животное привезло меня в сад между рассветом и закатом? – И Юрген безутешно рассмеялся: – В любом случае, ты надел на меня странную и прекрасную рубаху. И теперь я вижу, что твоя уздечка отмечена диадемой. Так что я верну тебя в замок Бельгард, и, может, гетман Михаил меня наградит.

Затем Юрген вскочил на коня и поскакал прочь со вспаханного поля, на котором все еще ничего не возшло. Оставив позади пашню, он подъехал к дорожному щиту с какой-то надписью чудными красными и желтыми буквами.

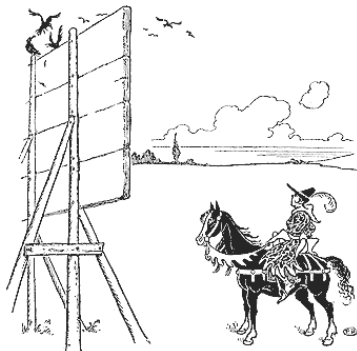
Юрген замедлил движение, чтобы ее разобрать.

«Прочитай меня! – было написано на щите. – Прочитай меня и пойми, если сможешь! Я позвал, и ты остановился на своем пути, предвидя нечто необычное, нечто забавное. Это

так, хотя я – ничто, и даже менее того. Никто не видит меня, кроме того, кто здесь прозябает. Путник, я есмь закон Вселенной. Путник, воздай закону должное!»

Юрген почувствовал себя обманутым.

– На самом деле, очень глупый щит! Разве может он быть «законом Вселенной», когда в нем нет никакого смысла? – пробормотал Юрген. – Ведь любой бессмысленный закон был бы нечестным.



Глава VI

Показывающая, что Серeda – женщина

Махнув рукой на этот дурацкий щит, Юрген повернул было на восток к Бельгарду, но его конь запротивился. Ростовщик воспринял это как знак.

– Тогда вперед! – сказал он. – Во имя Кощея! – И впоследствии Юрген позволял коню самому выбирать дорогу.

Так Юрген, проехав через лес, где увидел множество вещей далеко не лицеприятных, чтоб их замечать, оказался у большого каменного дома, похожего на тюрьму, и стал искать там прибежища. Но внутри он не обнаружил ни души, пока не дошел до большого, только что подметенного зала. Помещение удручало своей холодной опрятной пустотой, так как в нем не было никакой обстановки, если не считать голого соснового стола, на котором лежали измерительная линейка и чашечные весы. Над столом висела плетеная клетка с синей птицей и еще одна плетеная клетка с тремя белыми голубями. И в этом зале уже немолодая женщина, одетая во все синее и повязавшая вместо головного убора полотенце, разбирала необычайно цветастые ткани.



У нее были очень ясные глаза с морщинистыми веками, а когда она взглянула на Юргена, ее сморщенный подбородок задрожал.

– О, – сказала она, – у меня гость. Добрый день тебе в твоей блестящей рубахе. Это одеяние я, похоже, узнаю.

– Добрый день, бабушка! Я ищу жену, которую, как подозреваю, утащил дьявол. Бедняжка! Теперь же, заблудившись, я собрался провести эту ночь под твоей крышей.

– Очень хорошо: лишь немногие ищут Матушку Середу добровольно.

Тут Юрген понял, с кем говорит, и хотя обеспокоился, но не показал виду. Все Лешие в делах весьма ненадежны.

Поэтому он заговорил очень учтиво:

– И что же ты здесь делаешь, бабушка?

– Отбеливаю. В свое время я отбелю и одежду, которую носишь ты. Я все обесцвечиваю. Сейчас ты видишь эти тряпки такими, какие они есть на самом деле. Клото спрятала сверкающие нити, а Лахезида соткала из них, как ты можешь заметить, причудливые узоры, весьма

диковинные на вид, но, когда я разберусь с этими тряпками, в них будет красоты, цвета и странности не больше, чем в посудных полотенцах.

– Теперь я осознаю, – сказал Юрген, – что твоя сила и власть намного больше любой силы на свете.

Он создал об этом песнь в честь лешачих и их дней, но особо в честь всемогущей Матушки Середы и останков, которые упали на среду. И Четвергице, Вторнице и Субботице отдал он должное. Пятницу и Неделю Юрген также похвалил за те разрушения, которые указаны под их именами в святцах. О, не было никого, сравнимого с Матушкой Середой: ее власть была центром всех сил Леших. Другие совершали незначительные поступки, словно мышки; она же опустошала, словно песчаная буря, и там, где проходила Матушка Середка, оставалось множество куч песка, а больше ничего.

Песнь не являлась шедевром и не улучшилась бы при повторении. Но это был неоспоримый панегирик, и старуха прихлопывала в такт тощими руками, а ее сморщенный подбородок дрожал, и она делала обмотанной полотенцем головой круговые движения, а ее тонкие губы искривила гордая и глупая улыбка.

– Хорошая песня, – сказала она. – О да, превосходная песня! Но ты ничего не доложил мне о моей сестре Понедельнице, управляющей днем Луны.

– Лунник-понедельник! – воскликнул Юрген. – Да, я упустил понедельник, вероятно, потому, что Понедельница старше вас всех, но отчасти из-за условностей, вызванных моей системой стихотворных размеров. Мы должны оставить Понедельницу невоспетой. К тому же, как я могу все упомянуть, когда воспеваю силу Середы?

– Но, – возразила Матушка Середка, – Понедельнице это может не понравиться, и она может устроить в стирке выходной, чтобы поговорить с тобой. Однако повторяю, это превосходная песня. И в ответ на твою хвалу я расскажу тебе, что, если твою жену утащил дьявол, твое дело способен разрешить лишь один Кощей. Думаю, несомненно, что в поисках справедливости ты должен идти к нему.

– Но как мне добраться до него, бабушка?

– О, что касается этого, вообще неважно, какой тропинкой идти. Все дороги, как говорится, окольным путем ведут к Кощей. Необходимо лишь не оставаться на месте. Я рассказываю тебе так много в благодарность за твою песню, потому что она была превосходна, и никто до сего дня не слагал песни в мою честь.

Юрген удивился, увидев, насколько простодушна эта Матушка Середка, сидевшая перед ним, трясясь и ухмыляясь, хрупкая, как опавший листок, с головой, обвязанной обычным кухонным полотенцем, но чья сила была так огромна.

«Подумать только, – размышлял Юрген, – мир, в котором я живу, управляется существами, у которых нет даже и одной десятой доли ума, который есть у меня! Я часто подозревал об этом, и это решительным образом несправедливо. И, вероятно, стоит посмотреть, не смогу ли я что-нибудь извлечь из того, что я такой чудовищно умный».

Вслух же Юрген сказал:

– Я не удивляюсь, что ни один профессиональный поэт никогда не пытался сложить песнь о тебе. Ты слишком величественна. Ты напугала этих рифмоплетов, которые чувствуют себя недостойными столь крупной темы. Так что тебе остается лишь быть оцененной ростовщиком, поскольку именно мы имеем дело с сокровищами этого мира и наблюдаем за ними после того, как с ними уже разделались вы.

– Ты так думаешь? – сказала она, польщенная еще больше. – Ну, может, и так. Но я удивляюсь, что ты, такой прекрасный поэт, должен был стать ростовщиком.

– На самом деле, Матушка Середка, твое удивление заставляет, в свою очередь, удивиться меня, ведь я не могу и представить занятия более подходящего для отставного поэта. Какое разнообразное общество окружает ростовщика! Люди высокого и низкого положения и даже

представители света порой испытывают денежные затруднения: тогда пахарь топает прямо ко мне в лавку, а герцог тайком посылает кого-нибудь. Поэтому люди, которых я знаю, и частички их жизней, в которые я вникаю, дают мне много тем для сочинительства.

– О да, в самом деле, – мудро произнесла Матушка Середа, – может, суть именно в этом. Но я сама не одобряю сочинительства.

– Более того, сидя у себя в лавке, я тихонько жду, когда ко мне придет дань со всех концов земли. Все, что где-либо ценят люди, рано или поздно приходит ко мне: драгоценности и изящные безделушки, бывшие гордостью цариц, и колыбель со следами зубок на краю, и серебряные ручки от гроба; или это может оказаться старая сковорода; но все приходит к Юргену. Так что просто тихонько сидеть в своей темной лавке и удивляться историям принадлежащих мне вещей и тому, как они сделались моими, – поэзия; это глубокое, высокое и древнее размышление бога, который дремлет посреди того, что время оставило от мертвого мира, если ты меня понимаешь, Матушка Середа.

– Понимаю! Да, я понимаю подобающее богам по вполне определенной причине.

– И потом еще одно: тебе не нужна никакая деловая изобретательность. Люди согласны на любые твои условия, иначе они бы не пришли. Так что ты получаешь блестящие, с острыми кромками, монеты, на которых можешь ощутить, у себя под пальцами, рельеф гордой царской головы с лавровым венком, наподобие метелки проса. И ты получаешь стертые, позеленевшие монеты, опозоренные титулами, подбородками и крючковатыми носами императоров, которых никто не помнит или на которых уже всем наплевать. И все это – лишь тихонько ожидая и делая одолжение посетителям, позволяя отдать тебе принадлежащее им за треть своей стоимости. И это легкий труд, даже для поэта.

– Понимаю. Я понимаю любой труд.

– И люди относятся к тебе более учтиво, чем в действительности требуется, поскольку им вообще стыдно с тобой торговаться. Сомневаюсь, мог ли бы поэт удостаиваться такой учтивости при любой другой профессии. И, наконец, существуют периоды длительной праздности между деловыми беседами, когда делать нечего, кроме как тихонько сидеть и думать о странности вещей. А это редкое занятие для поэта, даже не умудренного опытом многих жизней и судеб, наваленных на него, словно бирюльки. Поэтому я бы сказал, Матушка Середа, что, определенно, не существует профессии более подходящей для старого поэта, чем ростовщичество.

– Определенно, в сказанном тобой что-то есть, – заметила Матушка Середа. – Я знаю, кто такие Малые Боги, и знаю, что такое работа, но не думаю ни о подобных материях, ни о чем-либо еще. Я отбеливаю.

– О, я мог бы сказать больше, крестная, но боюсь утомить тебя. Не коснулся я совершенно и своих личных дел, будто мы двое не настолько близко связаны. Ведь от родни, как говорят люди, одно добро.

– Но как ты и я можем быть родней?

– Как же, разве я родился не в среду? Это делает тебя моей крестной, не правда ли?

– Не знаю наверняка, милоч. Прежде никто не имел желаний заявлять права на родство с Матушкой Середой, – жалобно сказала она.

– Однако в этом не может быть никаких сомнений. Сабеллий настоятельно это утверждает. Артемидор Малый, делаю тебе уступку, считает этот вопрос спорным, но причины, по которым он так заявляет, пользуются дурной славой. Кроме того, что может сделать вся его гнилая софистика против отличной главы на этот самый предмет у Никанора? Я это рассматриваю как разгром. Его логика – окончательна и неопровержима. Что можно сказать против Севия Никанора?.. В самом деле, что? – спросил Юрген.

И он бы удивился, если бы в конце концов хоть где-нибудь не оказалось таких личностей. Их имена, в любом случае, звучали для Юргена весьма правдоподобно.

– О милоч, я никогда не была способна к учению. Может быть, все и так, как ты говоришь.

– Ты говоришь «может быть», крестная. Это весьма смущает меня, поскольку я собирался попросить у тебя подарок как крестнику, который при большом объеме неотложной работы ты позабыла сделать где-то сорок лет тому назад. Ты охотно осознаешь, что твоя небрежность, пусть и ненамеренная, могла бы дать толчок недоброй критике, и чувствую, что мне следует упомянуть об этом из элементарной честности по отношению к тебе.

– Что касается этого, милоч, проси, что пожелаешь, в пределах моей власти. Моими являются все сапфиры и бирюза и все, что в этом пыльном мире синее и голубое. И моими также являются все среды, которые когда-либо были или будут. И любое из этих пожеланий я охотно выполню в ответ на твои изящные речи и мягкое сердце.

– Но, крестная, вполне ли справедливо жаловать меня чем-то большим, нежели предоставляемое другим людям?

– Конечно, нет. Но что я должна сделать по справедливости? Я отбеливаю. Давай делай свой выбор! И я могу тебя уверить, что сапфиры – чистой воды, а многие из грядущих сред стоит увидеть.

– Нет, крестная, меня никогда по-настоящему не волновали драгоценные камни, а будущее – это лишь одевание и раздевание, и бритье, и еда, и вычисление процентов, и так далее. Будущее меня сейчас не интересует. Поэтому я скромно удовлетворюсь подержанной средой – той, которую ты уже использовала и которая тебе в дальнейшем не понадобится; и это будет среда в августе такого-то года.

Матушка Середа согласилась.

– Но нужно соблюсти определенные правила, – сказала она, – потому что требуется следовать системе.

Говоря это, она сняла с головы полотенце и вынула из седых волос синий гребень; и она показала, что выгравировано на гребне. Это немного испугало Юргена, но он утвердительно кивнул.

– Однако сначала, – сказала Матушка Середа, – вот тебе синяя птица. Не возьмешь ли лучше ее, милоч, чем свою среду? Большинство именно так бы и сделало.

– Но, крестная, – ответил он, – я же Юрген. Нет я желаю не синюю птицу.

Матушка Середа сняла со стены плетеную клетку с тремя белыми голубями и, пройдя впереди Юргена, ссутулившись и шаркая ногами по плитам пола, вывела его во двор, где они, конечно же, обнаружили привязанного козла. Животное было темно-синего цвета, а глаза у него были мудрее, чем у животного.

И вот тут-то Юрген приступил к тому, что, по словам Матушки Середы, являлось необходимым.



Глава VII

О компромиссах в среде

И произошло так, что верхом на коне, чья уздечка была отмечена диадемой, ростовщик вернулся в то место и в то время, которые остались в его памяти. Было весьма странно вновь оказаться прекрасным юношей и предвидеть все, что произойдет в последующие двадцать лет.

Так получилось, что первой, кого он встретил, была его мать Азра, которую Котт любил очень сильно, но недолго. И Юрген говорил с Азрой о тех нарядах, которые понадобятся ему в Гатинэ, и о том, как часто он будет ей писать. Как и ожидалось, она пренебрежительно отнеслась к новой рубахе, которую он носил, поскольку Азра всегда предпочитала сама выбирать одежду сыну, а не доверяться вкусам Юргена. Она признала, что его новая лошадь – милое животное, и понадеялась, что он не украл ее у кого-нибудь, кто навлек бы на него неприятности. Ибо нужно отметить, что Азра никогда не верила в сына, но была единственной женщиной, как чувствовал Юрген, которая действительно его понимает.

И теперь, пока его красивая молодая мать то ласкала, то журила его, бедный Юрген подумал о том самом разладе и разрыве, который в последующие годы возник между ними; и о том, как она умрет, а он не будет знать о ее смерти целых два месяца; и о том, как его жизнь впоследствии почему-то изменится, а окружающий мир станет неким ненадежным местом, и в него нельзя уже будет простодушно верить. И он предвидел все раскаяния, которые он отбросит, промотав такое количество чести и любви. Всего этого еще не было. Но все это было неизбежно.

– И, однако, то, что все это должно неизбежно произойти, решительным образом несправедливо, – сказал Юрген.

Так было со всеми, кого он встречал. Люди, которых он любил, когда был прекрасным юношей в расцвете сил, стали очень скоро и по маловажным причинам для него никем, а он сам превратился в обычного лавочника. И жизнь показалась Юргену расточительным и несправедливым процессом.

Затем Юрген покинул дом своей юности и поехал в Бельгард, привязал коня на пустоши и вступил в замок. Так Юрген явился к Доротее. Та была мила и прелестна, но, однако, в связи с какой-то странной переменой обстоятельств, не так мила и прелестна, как Доротейя, которую он видел в саду между рассветом и закатом. А Доротейя, как и все, похвалила чудесную новую рубаху Юргена.

– Она сшита именно для таких празднеств, – скромно сказал Юрген, – это отчасти моя задумка. Немного экстравагантно, как могут посчитать некоторые, но всем не угодишь. А мне нравятся цветастые вещи.

В тот вечер в замке Бельгард показывали спектакль, и безумно чудно и грустно было вспоминать Юргену, что случится со многими из присутствующих.

Юрген не забыл эту среду, эту давнюю среду, когда мессир де Монтор привез из Брунбелу Братство Святого Медара, чтобы оно разыграло пьесу в жанре маски «Рождение Геракла», чем ныне, вызывая шумное одобрение, занимаются всякие бродяги. Юрген помнил, что это произошло за день до того, как Бельгард обнаружил, что гость графа Эммерика, виконт де Пизанж, в действительности является знаменитым разбойником Перионом де ла Форэ. Ну, а вон там еще не раскрытый самозванец ведет душевный разговор с госпожой Мелицентой; а Юрген знал все, что оставалось в запасе у этой пары влюбленных.

Между тем, как размышлял Юрген, в данное время настоящий виконт де Пизанж лежал в бреду в «Бенуа»; завтра истинного виконта признают, и через год виконт женится на Фелиции

де Суэкур, а позднее Юрген встретит ее во фруктовом саду. И Юрген также знал, что именно тогда произойдет.

А мессир де Монтор, искоса наблюдая за госпожой Мелицентой, шутил с крошкой Эттаррой, которой в этот вечер разрешили лечь спать позднее обычного в честь спектакля; и Юрген знал, что этот молодой епископ станет не кем иным, как Папой Римским, и что этот ребенок, с которым он шутил, превратится в женщину, ради обладания которой Гирон де Рок и вон тот угрюмый на вид юноша, Можи д'Эгрмон, будут соперничать друг с другом до тех пор, пока край не будет опустошен; замок же, в котором сейчас находится Юрген, будет осажден, а это его крыло сгорит. И безумно чудно и грустно было Юргену вот так вспоминать все, что произойдет с этими людьми и со всеми другими, резвившимися под тенью судьбы и смеявшимися над тривиальной постановкой.

Ибо здесь – при таком количестве нависших крушений, неудач и печали, готовой вскоре поразить многих из этих пирующих заранее известными Юргену способами, и смерти, неизбежно приближающейся, чтобы покончить почти со всей этой компанией в несколько непривлекательной форме, что Юргену было точно известно, – здесь смех казался чрезмерным и отвратительным. Что ж, а вон там Рено, смеющийся слишком громко, запрокинув стриженую голову; смеялся бы так же Рено, если б узнал, что круглая сильная глотка, которую он таким образом показывает, будет перерезана, как у теленка, когда его захватят трое бургундцев? Юрген знал, что это случится с Рено Венсофом еще до конца октября. Поэтому он смотрел на горло Рено и с дрожью вдыхал воздух сквозь сжатые зубы. «А он, этот мальчик, стоит дюжины таких, как я, – подумал Юрген, – и я собираюсь жить, чтобы стать стариком с клочком земли спустя годы после того, как этого красивого добродушного юноши не станет, как грязь забудет эти ясные благородные глаза! И спустя годы после того, я тоже забуду о нем. Марион д'Эдоль, та очень привлекательная девушка, позади него, превратится в прыщавую и беззубую завсегдатайшу задворков и будет плотоядно хватать мужчин за рукава! А вот голубоглазый Колен со своим детским ротиком будет повешен за обрезание монет, – дайте припомнить, – да, через шесть лет, считая с этого вечера! Но некоторым образом эти люди блаженны, ничего не предвидя. Они смеются, а я смеяться не могу, и для меня их смех более ужасен, чем плач. Да, они, возможно, очень мудры, что не горюют над неизбежным. И, несомненно, я не могу зайти так далеко и сказать обратное. Но все же, в то же самое время!.. И, конечно же, жизнь мне во всем кажется расточительным и несправедливым процессом».

Вот над чем размышлял Юрген в то время, как остальные проводили весьма приятный вечер.

А потом, когда спектакль закончился, Доротея и Юрген вышли на террасу на восточном крыле Бельгарда к незабываемому миру лунного света. Они сели на резную каменную скамью у балюстрады с видом на дорогу. Юноша с девушкой задумчиво всматривались в уходившую вдаль дорогу, в светлые долины и верхушки деревьев. Так они тут и сидели, что хорошо помнил Юрген, когда Матушка Середа впервые использовала эту среду.

– Желанье Сердца Моего, – говорит Юрген, – мне грустно этим вечером. Я думаю о том, что сотворит с нами жизнь и в какие ничтожества превратят нас с тобой года.

– Возлюбленный мой, – говорит она, – разве мы не знаем превосходно, что именно произойдет? – И Доротея начала рассказывать обо всех тех великолепных поступках, которые совершит Юрген, и о счастливой жизни, которая станет для них совместной.

– Это жутко, – сказал он, – мы уже никогда не будем столь прекрасны, как сейчас. У нас есть великолепие, для которого у мира нет применения. Оно пропадет. А такая потеря несправедлива.

– Но вскоре ты достигнешь небывалых высот, – возразила она и с любовью предсказала все виды рыцарских подвигов, которые, как помнил Юрген, когда-то ему тоже казались очень

правдоподобными. Теперь же у него появилось ясное осознание способностей юноши, о котором он думал так хорошо.

– Нет, Желанье Сердца. Нет, я буду совершенно другим.

– ...и думать о том, как горда я буду тобой! «Но я всегда это знала», – буду говорить я всем весьма снисходительно...

– Нет, Желанье Сердца. Потому что ты вообще не будешь обо мне думать.

– О, милый. А может, ты действительно считаешь, что меня когда-либо будет волновать кто-то, кроме тебя?

Тут Юрген рассмеялся. Ибо по пустынной террасе в поисках госпожи Доротеи шел гетман Михаил, и Юрген знал заранее, что это мужчина, которому через два месяца, считая с этого вечера, Доротея отдаст любовь и всю свою красоту и с которым она разделит губительные годы, что ждут впереди.

Но девушка этого не знала и слегка пожала плечиками.

– Я обещала танцевать с ним, так что придется выполнять обещание. Но этот старик – сплошное наказание.

Гетману Михаилу шло к тридцати, а для Доротеи и Юргена это был возраст, граничащий с дряхлостью.

– Клянусь небом, – сказал Юрген, – где бы ни танцевал гетман Михаил следующий танец, здесь этого не произойдет.

Юрген решил, что он должен сделать.

И тут их учтиво поприветствовал гетман Михаил.

– Боюсь, я должен украсть у вас эту прекрасную даму, господин Юрген, – говорит он.

Юрген помнил, что много лет тому назад, были сказаны именно эти слова, а Юрген промямлил вежливые сожаления и посторонился, когда гетман Михаил увел Доротею танцевать. И этот танец стал началом сближения гетмана Михаила и Доротеи.

– Гетман, – говорит Юрген, – тяжелая утрата, которой вы пугаете, весьма удачно обойдет меня, поскольку так получилось, что следующий танец – мой.

– Мы можем лишь оставить решение за дамой, – говорит, смеясь, гетман Михаил.

– Но не я, – говорит Юрген. – Я слишком хорошо знаю, что из этого выйдет, и не намерен предоставлять свою судьбу кому бы то ни было.

– Ваше поведение, господин Юрген, несколько странно, – замечает гетман Михаил.

– Но я покажу вам кое-что еще более странное. Посмотрите: может показаться, что здесь, на этой террасе, нас трое. Однако, могу вас уверить, четверо.

– Разгадайте загадку, милый юноша, и дело с концом.

– Кроме нас троих, гетман, здесь присутствует богиня, у которой крапчатое одеяние и черные крылья. Она не может похвастаться храмами, и нигде священники не взывают к ней, потому что она – единственное божество, которое не могут тронуть молитвы или задобрить жертвоприношения. Я намекаю, сударь, на старшую дочь Ночи и Эреба.

– Я так понимаю, вы говорите о смерти.

– Вы быстро схватываете суть, гетман. Но, боюсь, недостаточно быстро, чтобы предсказать прихоти богини. В самом деле, кто бы мог предвидеть, что этой неумолимой даме придется так по душе ваше общество?

– О, мой юный забияка, – отвечает гетман Михаил, – совершенно верно, что мы с ней знакомы. Я даже могу похвастаться тем, что отослал пару отважных воинов прислуживать ей в подземном царстве. Теперь же, насколько я угадываю смысл ваших слов, вы надеетесь, что я уменьшу долг, отправив ей какого-то молокососа.

– Мое мнение, гетман, заключается в том, что, поскольку эта темная богиня вот-вот покинет нас, ей нельзя, из обычной любезности, позволить уйти отсюда без сопровождающего. Поэтому предлагаю тотчас же решить, кто станет ее спутником.

Тут гетман Михаил вынул шпагу:

– Вы сумасшедший. Но вы сделали предложение, на которое я еще ни разу не отвечал отказом.

– Гетман, – воскликнул Юрген с искренней благодарностью и в восхищении, – я не питаю по отношению к вам никакой злобы. Но вы должны умереть сегодня вечером для того, чтобы моя душа не погибла на много лет раньше моего тела.



С этими словами он тоже выхватил шпагу. И они стали драться. Юрген был весьма признанным фехтовальщиком, но с самого начала обнаружил в гетмане Михаиле настоящего мастера. Юрген на это не рассчитывал и был раздражен. Если гетман Михаил продырявит Юргена, будущее, несомненно, изменится, но не совсем так, как задумал Юрген. Это непредвиденное осложнение казалось нелепым, и Юргена начало сердить подозрение, что он сам может быть убит. Между тем его невозмутимый высокий соперник, казалось, лишь играет с

Юргеном, и Юрген был вынужден постоянно отступать к балюстраде. А вскоре шпага Юргена, сверкнув над балюстрадой, вылетела из его руки прямо на проезжую дорогу.

– Теперь, господин Юрген, – говорит гетман Михаил, – вашему вздору положен конец. Что ж, не стоит стоять, как изваяние. Я не собираюсь вас убивать. Зачем, черт возьми, мне это делать? Из-за такого поступка лишь возникнут дурные отношения с вашими родителями. И, кроме того, бесконечно приятнее танцевать с этой дамой, что я сперва и собирался сделать. – И он весело обернулся к госпоже Доротее.

Но Юрген нашел такой исход событий невыносимым. Этот человек сильнее его, он относится к людям того склада, которые доблестно получают и пользуются всеми наградами на свете, а простые поэты могут лишь с уважением восхищаться ими. Все надо начинать сначала: гетман Михаил, по его собственному выражению, поступает так, как он сперва и собирался, а Юрген отброшен в сторону звериной силой этого человека. Этот человек уведет Доротеею и оставит Юргену ту жизнь, о которой Юрген вспоминал с отвращением. Это несправедливо.

Поэтому Юрген выхватил кинжал и глубоко всадил его в незащищенную спину гетмана Михаила. Три раза юный Юрген пронзил дюжего воина точно под левое ребро. Даже в ярости Юрген помнил, что надо бить в левый бок.

Все произошло очень быстро. Руки гетмана Михаила дернулись вверх, и в лунном свете его пальцы растопырились, а потом сжались в кулак. Он издал забавные булькающие звуки. Затем его колени подогнулись, и он повалился назад. Голова упала Юргену на плечо, по-братски покоясь там какой-то миг, а когда Юрген отскочил из-за этого мерзкого прикосновения, тело гетмана Михаила рухнуло вниз. Теперь он лежал мертвый у ног своего убийцы, глядя вверх. У него был жуткий вид, но он был мертв.

– Что с тобой станет? – прошептала Доротея через какое-то время. – О, Юрген, это подлый поступок. То, что ты сделал, постыдно! Что с тобой станет, мой дорогой?

– Я приму свою долю, – говорит Юрген, – без хныканья и добьюсь справедливости. Я несомненно добьюсь справедливости. – Затем Юрген поднял лицо к ясным небесам: – Этот человек был сильнее меня и хотел того же, чего и я. Поэтому я нашел единственное решение, которое наверняка поможет добиться того, что мне нужно. Я требую справедливости у небесной власти, которая дала ему силу, а мне слабость, и дала каждому из нас его желания. То, что я сделал, я сделал. Теперь судите меня.

Затем Юрген отволоч тяжелое тело гетмана Михаила с видного места под скамью, на которой еще недавно сидели Юрген и Доротея.

– Покойся тут, отважный рыцарь, пока тебя не найдут. Иди же ко мне, Желанье Сердца Моего. Отлично! Превосходно! Вот я сижу со своей истинной любовью над телом своего врага. Справедливость удовлетворена, и все совершенно так, как должно быть. Ты обязана понять, что мне по наследству достался прекрасный скакун, чья уздечка отмечена диадемой, – я так понимаю, пророчески, – и на этом скакуне ты помчишься со мной в Лизуарт. Там мы найдем священника, который нас повенчает. Мы вместе отправимся в Гатинэ. Между тем надо заняться одним упущенным делом. – И он привлек к себе девушку. В этот миг Юрген ничего не боялся. Он думал: «О, если б я мог удержать этот миг! Если б мог создать несколько соответствующих стихов, чтобы сохранить этот миг в памяти! Я могу лишь облачить в слова благоуханную и пышную мягкость волос этой девушки, когда мои ладони, дрожа каждым нервом, ласкают их; и облачить в непреходящие слова блеск и смутные оттенки ее волос под этим ливнем лунного света! Ибо я забуду всю эту красоту или, в лучшем случае, вспомню этот миг весьма неотчетливо».

– Ты поступил подло... – говорит Доротея.

Юрген же говорит самому себе:

«Этот миг уже проходит, этот ужасно счастливый миг, в который жизнь еще раз встряхивает и останавливает сердце на вершине блаженства! Он проходит, и я знаю даже то, как

приподнимаю нежное лицо этой девушки и замечаю на ее лице веру, покорность и ожидание: что бы будущее нам ни приготовило и что бы за счастье мы вдвоем ни познали впоследствии, мы не найдем более счастливого мгновения, чем это, которое безвозвратно уходит от нас, пока я о нем думаю, несчастный дурак, вместо того чтоб перейти к сути».

– ...И только Бог знает, что с тобой станет, Юрген. Юрген же по-прежнему продолжал говорить самому себе:

«Да, что-то должно остаться мне из всего этого восторга, хотя это будет лишь ощущение вины да печаль. Я имею в виду нечто, что нужно вырвать из этого высшего мига наслаждения, который когда-то был безвозвратно утрачен. Теперь я мудрее, так как знаю, что нет менее утешающих воспоминаний, чем воспоминания об искушении, против которого мы устояли. Поэтому я не растрочу одну известную мне настоящую страсть и не оставлю неутоленным одно желание, которое вызвало у меня сердцебиение, заставившее позабыть о благополучии Юргена. Итак, что бы ни случилось, я никогда не буду сожалеть, что не воспользовался любовью этой девушки до того, как ее у меня отобрали».

Делая подобные, по его мнению, полезные умозаключения, Юрген заметил, с изумлением вспоминая, как сильно боялся когда-то потрясти представления своей Доротеи о внешних приличиях, что она не слишком рьяно отталкивает его.

– Только не здесь, над мертвым телом! О, Юрген, это ужасно! Юрген, вспомни, что кто-нибудь может появиться в любую минуту! А я думала, что могу тебе доверять! И разве это демонстрирует уважение, которое ты испытываешь ко мне? – Она сказала это в основном из чувства долга. Между тем ее глаза стали шире и нежнее.

– Клянусь честью, во второй раз я не примирюсь со своей судьбой. И, что бы ни случилось, я никогда не буду сожалеть о том, что оставил незавершенным.

Теперь у него на устах играла улыбка, а руки обнимали смиренную девушку. Но сердце его было наполнено невыразимой подавленностью и одиночеством, поскольку ему казалось, что это не та Доротея, которую он видел в саду между рассветом и закатом...

«В моих объятиях сейчас просто очень милостивая девушка, которая не слишком осторожна в отношениях с молодыми людьми, – подумал Юрген, когда их губы встретились. – Что ж, моя жизнь – компромисс. И милостивая девушка, в любом случае, есть нечто осязаемое».

Тут он победно рассмеялся и приготовился к последующим действиям.

Но пока Юрген победно смеялся, его рука лежала на плечах Доротеи, нежное податливое лицо Доротеи было под его губами, а беспричинная тоска – в сердце, колокол в замке пробил полночь. Последовавшее вслед за этим было весьма любопытным. Когда среда прошла, лицо Доротеи начало меняться, кожа огрубела, щеки ввалились, морщины окружили глаза, и она стала графиней Доротеей, которую Юрген помнил в качестве жены гетмана Михаила. Под струящимся лунным светом рассеялись все сомнения. Она с вождением смотрела на него, а он ласкал ее – эту чрезмерно сладострастную женщину, которая определенно была достаточно опытна, чтобы знать, кому позволять подобные вольности. А ее дыхание было несвежим и тошнотворным. Юрген, содрогнувшись, с отвращением отпрянул и закрыл глаза, чтобы отгородиться от этого чувственного лица.

– Нет, – сказал он, – это было бы нечестно по отношению к другим. По сути, это был бы тяжкий грех. Мы, сударыня, иногда должны взвешивать подобные соображения.

Затем Юрген со сдержанным достоинством оставил свою искусительницу.

– Я отправляюсь на поиски своей дорогой жены, сударыня, находясь в расположении духа, которое я весьма посоветовал вам иметь по отношению к собственному мужу.

И он пошел прямо по террасам Бельгарда, а потом повернул на юг, где на Амнеранской Пустоши был привязан его конь. Чувствовал себя Юрген очень добродетельным.



Глава VIII

Старые забавы и новая тень

Юрген вел себя с подозрительным благородством (размышлял Юрген), но он уже взял на себя обязательство. «Я иду на поиски своей дорогой жены», – заявил он, придя в восторг от ощущения собственной добродетельности. И сейчас Юрген оказался один в мире лунного света – там, где он в последний раз видел жену.

– Ну-ну, – сказал он. – С той моей средой покончено, и я вновь почтенный ростовщик. Давайте запомним, что совершать иногда мужественные поступки весьма полезно. Лиза вошла именно в эту пещеру. Так что туда во второй раз иду и я, а не домой к несимпатичным мне родственникам жены. Или, по крайней мере, представляю, что иду...

– Да, – пропищал кто-то, – пришло время. А аб хур хус!

– Самое время!

– О, более чем время!

– Гляди, человек в дубе!

– Ого, огнедышащий дракон!

Вот так беспорядочно кричало и вопило множество голосов. Но Юрген, оглядевшись, никого не увидел. А все тонюсенькие голоса, похоже, исходили откуда-то сверху, где не было ничего, кроме внезапно собравшихся туч. Поднялся ветер, и луна уже скрылась из виду. Через некоторое время этот шум высоко наверху в воздухе стал напоминать разноголосицу воробьев, в которой слов было не разобрать.

Затем какой-то пронзительный голосок отчетливо произнес:

– Заметьте, милые мои, как высоко мы находимся над взбудораженной ветром пустошью, где поскрипывает виселица, раскачиваясь в ночи туда-сюда! Сейчас дождь вырвется, словно сокол от охотника, а печальная царица Хольда раскинет свои косы по сияющему щиту луны. Постель приготовлена, вода зачерпнута, и мы, подружки невесты, ищем девицу, которая станет невестой Склауга.

Другой голос сказал:

– О, ищите девицу с золотыми волосами, совершенную, нежную и чистую, достойную царя, который стар, как любовь, и не имеет в себе ни следа любви. Как раз пробудился наш ухмыляющийся, покрытый пылью хозяин, и его пожелтевшие пальцы трясутся при мысли о ее мягких, как цветы, губах, которые попадут этой ночью в его костлявые объятия и согреют выпирающие ребра. А кто же будет невестой Склауга?

А третий голос пропищал:

– Свадебный наряд мы принесли с собой, а девица отправится отсюда на Форгемон в саване Клеопатры. Ха, эту пару обвенчает Блуждающий Огонек...

– Нет, нет! Пускай Брахиот!

– Нет, это будет Китт с подсвечником!

– Эман хетан, бой, бой!

– Эй, Пат Акробат, берегись Стадлина!

– Есть ли у тебя, Тиб, мармаритин?

– А аб хур хус!

– Давай, Бембо, уходи!

Так все они начали кричать, свистеть и спорить высоко над головой у Юргена, от чего он не получал удовольствия.

«Это же Амнеранские ведьмы, занимающиеся тем или иным видом черной магии, в которой я предпочитаю не участвовать. Сейчас я сожалею, что совсем недавно выбросил поблизо-

сти отсюда крест, и полагаю, этот поступок был понят соответствующим образом. Если бы моя жена не высказалась по этому поводу и не настояла на своем, я бы никогда и не подумал так поступить. Я не намеревался на кого-либо бросить тень. И я считаю эту пустошь небезопасной. Но я буду искать свою жену, кого бы я ни повстречал в этой пещере».

Так Юрген вошел туда во второй раз.

А история рассказывает, что там было темно и Юрген не мог ничего разглядеть. Пещера тянулась вперед и вниз, а в дальнем конце мерцал свет. Юрген все шел и шел, и так добрался до того места, где увидел кентавра. Эта часть пещеры сейчас была пуста. Но дальше того места, где прежде в ожидании Юргена лежал Несс, в стене пещеры имелся проем, и из него струился свет. Юрген встал на четвереньки и заполз в это отверстие.

Он распрямился, и у него перехватило дыхание. У его ног – подумать только – находилось надгробие с высеченным на нем изображением лежащей женщины. Сейчас эта часть пещеры освещалась лампами на высоких стойках, так что даже Юргену, чье зрение с годами ухудшилось, все было отчетливо видно. Это была низкая и плоская надгробная плита, подобные которой Юрген встречал во множестве церквей. Но подвеченное изображение на ней почему-то его заинтересовало. Юрген взглянул более пристально и даже дотронулся до него.

Тут он отпрянул, потому что безошибочно ощутил мертвую плоть. Фигура не была раскрашенным камнем: это было тело мертвой женщины. Еще более необъяснимым образом это тело принадлежало Фелиции де Пизанж, которую Юрген давным-давно любил в Гатинэ, за много лет до того, как завел ростовщическое дело.

Для Юргена было очень странно вновь увидеть ее лицо. Он часто гадал, что станет с этой крупной смуглой женщиной; гадал, правда ли, что он первый мужчина, с которым она обманывает мужа; и гадал, что в действительности за особа эта мадам Фелиция де Пизанж.

«Два месяца мы играли с тобой в близость, не так ли, Фелиция? Понимаешь ли, моя дорогая, по правде сказать, я почти забыл о тебе. Но совершенно отчетливо вспоминаю оставленную приоткрытой дверь, а когда я ее осторожно отворял, первым делом видел лампу на туалетном столике, едва горящую и светящуюся пыль на стеклянном абажуре. Разве не странно, что нашу безмерную порочность подытоживает не что иное, как память о пыли на стекле лампы? Ты была очень миловидна, Фелиция. Смею сказать, что полюбил бы тебя, если б когда-нибудь тебя понимал. Но когда ты рассказала мне о ребенке, которого потеряла, и показала мне его портрет, я тебя разлюбил. Мне почудилось, что ты предаешь того ребенка, обращаясь со мной чересчур благородно. И впоследствии между нами всегда находился его маленький призрак. Однако меня вообще не волновало, что ты обманываешь мужа. Правда, я знал твоего мужа весьма хорошо... Мне говорили, что милостивый виконт был крайне доволен сыном, которого ты ему родила через несколько месяцев после нашего расставания. Так что, в конце концов, большого вреда не причинено...»

Тут Юрген увидел другое женское тело, лежащее наподобие скульптуры на другом низком и плоском надгробии, а за ним еще одно, и еще. И Юрген присвистнул.

– Что ж, вот они все! – сказал он. – Значит, я приведен на очную ставку со всей нежной плотью, которую когда-либо обнимал? Да, вот Грана, и Розамунда, и Маркуэва, и Элинора. Хотя вот эту девушку я вообще не помню. А это, по-моему, маленькая еврейка, которую я приобрел в Сидоне у Хассан-бея, но можно ли быть уверенным в этом? Все же вот это, несомненно, Юдифь, а это – Мирина. Я бы не прочь вновь поискать ту родинку на ее теле, но, полагаю, это было бы непристойно. Боже, здесь все женщины, которые когда-то были моими! Всего их должно быть несколько десятков. Такое зрелище наводит мужчину на серьезные размышления. Но испытываешь великое успокоение при мысли, что с каждой из них обошелся честно. Некоторые из них поступали со мной весьма несправедливо. Но все это в прошлом, а с ним покончено. И я не держу зла на столь непостоянные и близорукие создания, которые не могли удовлетворяться одним любовником, хотя им и был Юрген.

Затем Юрген, стоя посреди мертвых женщин, раскинул руки, словно для объятий.

– Приветствую вас, дамы, и прощаюсь с вами! И вы, и я покончили с любовью. За любовью приятно наблюдать, когда она развивается, со смехом опрокидывая все старые воспоминания. Однако для каждого беспутного влюбленного, который признает власть любви и бесстрашно служит под ее знаменами, конец всего – смерть. Сев любви намного приятнее жатвы; или давайте выразим это так: любовь заманивает нас на окольные дорожки, ведущие среди цветов, которые осыпаются еще до первого свежего ветра, в никуда. Поэтому в итоге, при огромном количестве растраченных волнений, вздохов и драгоценного времени, мы обнаруживаем, что конец всего – смерть. Тогда не было бы более пронизательным, дорогие дамы, избегать любви? С другой стороны, мы были несказанно мудры, предавшись отважному безумию, которое вызывает любовь. Поскольку лишь одна любовь может предоставить молодым восторг, хотя и преходящий, в мире, где итог любых человеческих усилий преходящ, а конец всего – смерть.

Тут Юрген учтиво поклонился своим умершим возлюбленным и, покинув их, пошел прямо по тянувшейся дальше пещере.

Но теперь свет находился позади него, и тень Юргена, когда он подошел к крутому повороту, внезапно замаячила перед ним на стене пещеры. Эта тень была четкой и безупречной.

Юрген пристально ее рассмотрел. Он повернулся в одну сторону, потом в другую; оглянулся назад, поднял руку, на пробу помотал головой; потом откинул голову, задрал подбородок и скосив глаза, чтобы увидеть тень от профиля. Все проделываемое Юргеном тень повторяла, что было вполне естественно. Станным же являлось то, что в ней ничто не напоминало тень, которой следовало сопутствовать мужчине, и от такого открытия глубоко под землей, в одиночестве становилось неуютно.

– Я не совсем похож на нее, – сказал Юрген. – По правде говоря, я вообще на нее не похож. Это кажется ненормальным. Совершеннейшая нелепица. Но, – и тут он пожал плечами, – чего можно ожидать от меня в данном случае? В самом деле, чего? Лучше я отнесусь к инциденту с величавым презрением и продолжу исследование пещеры.



Глава IX

Общепринятое спасение Гиневры

Дальше история рассказывает, что пещера сузилась и вновь резко изогнулась, а Юрген прошел, словно по коридору, в совершенно другие подземные покои. Однако они тоже являлись весьма неудобным местом.

Здесь со сводчатого потолка склепа свисал котел, а под ним плясали красные языки пламени. Они освещали злодейского вида старика в доспехах, опоясанного мечом и в царском венце. Он с ничего не видящими выпученными глазами неподвижно восседал на троне. За его спиной Юрген заметил множество сидевших рядами воинов, и все они уставились на Юргена широко открытыми, невидящими глазами. Красное пламя отражалось в их глазах, и наблюдать за этим было не совсем приятно.

Юрген в нерешительности ждал. Ничего не происходило. Тут Юрген увидел, что у ног этого непривлекательного монарха стоят три сундука. У двух из них крышки сорваны, и они наполнены серебряными монетами. На среднем сундуке, непосредственно перед королем, сидела женщина. Ее голова покоилась на коленях у пучеглазого, ссохшегося и неподвижного разбойника.

«А это молодая женщина. Явно! Заметьте блеск густых вьющихся волос, роскошный изгиб шеи! О, очевидно, за лакомый кусочек стоит сразиться, несмотря на довольно скромные шансы!»

Таков был ход мыслей Юргена. Смелый, словно дракон, он шагнул вперед и поднял девичью голову. Глаза девушки были закрыты. Но даже так она казалась самым прекрасным созданием, какое только мог вообразить Юрген.



«Она не дышит. Однако, если мне не изменяет сознание, у меня в руках, несомненно, живая женщина. Ясное дело, это сон, вызванный некромантией. Я не зря прочитал так много сказок. В пробуждении любой заколдованной принцессы наблюдаются общие моменты. А Лизы – где же она может быть, бедняжка! – нигде поблизости нет, поскольку я не слышу, чтобы кто-то говорил. Поэтому я могу считать себя свободным и совершить традиционный поступок. В самом деле, это единственный честный поступок, который можно совершить, и этого требует справедливость».

И тут Юрген поцеловал девушку. Ее губы раздвинулись и смягчились, они были полны далеко не неприятного, покорного рвения. Ее глаза, огромные, если смотреть на них с близкого расстояния, томно раскрылись и поглядели на него безо всякого удивления. А потом веки наполовину опустились, как и следовало, по воспоминаниям Юргена, поступать векам женщины, когда ее целуют надлежащим образом. Она прильнула к нему и слегка задрожала, но не от холода. Юрген отлично помнил этот восторженный трепет женского тела. Короче, все

происходило точно так, как и должно происходить. Юрген прервал поцелуй, который, как вы можете догадаться, оказался довольно продолжительным.

Его сердце колотилось, словно решило вырваться из тела, и он ощутил, как кровь прилила к кончикам пальцев. Он удивлялся, что это нашло на него, слишком пожилого для подобных чувств.

Но, поистине, это была самая прелестная девушка, какую Юрген только мог вообразить. Она была прекрасна внешне: с сияющими серыми глазами и маленьким улыбающимся ротиком. Ни один мужчина не мог похвастаться тем, что видел более прекрасную особу. А она снисходительно рассматривала Юргена, ее щеки озарялись красноватым мерцанием над головой, и за нею очень мило было наблюдать. На ней было платье из шелка цвета пламени, а на шее ожерелье из червонного золота. Когда она заговорила, ее голос зазвучал, словно музыка.

– Я знала, что вы придете, – радостно произнесла девушка.

– Я очень доволен, что пришел, – заметил Юрген.

– Но времени мало.

– Время дает нам восхитительный шанс, моя дорогая принцесса...

– О, мессир, но разве вы не осознаете, что привнесли жизнь в это жуткое место? Вы дали мне эту жизнь самым непосредственным и быстрым способом, но жизнь очень заразна. Инфекция уже начала распространяться.

И Юрген по жесту девушки взглянул на старого короля. Ссохшийся головорез оставался неподвижен, но из ноздрей медленно исходили расширяющиеся струи пара, словно он дышал в некоем прохладном месте. Это казалось странным, поскольку в пещере было не холодно.

– И все остальные тоже пыхтят и выпускают пар, – говорит Юрген. – Честно говоря, по моему, это очаровательное местечко нужно покинуть.

Но сначала он отстегнул пояс короля вместе с мечом и сам опоясался мечом, кинжалом и всем прочим.

– Теперь у меня оружие, достойное моей прекрасной рубахи, – говорит Юрген.

Затем девушка показала ему своеобразный проход, и они поднялись по сорока девяти ступеням, вырубленным в камне, и так вышли на белый свет. На верху лестницы находилась железная, опускающаяся дверь, и эту дверь по указанию девушки Юрген открыл. Снаружи дверь не запиралась.

– Но Фрагнара не остановят замки и засовы, – сказала девушка. – Вместо этого мы должны немедленно отметить дверь крестом, так как этот символ Фрагнар преодолеть не может.

Рука Юргена инстинктивно поднялась к горлу. Тут он пожал плечами.

– Моя дорогая юная дама, я больше не ношу креста. Я должен сразиться с Фрагнаром другим оружием.

– Будет достаточно двух палочек, сложенных крест-накрест...

Юрген почтительно указал, что нет ничего легче, чем поднять дверь и этим сбросить с нее палочки.

– Они разлетятся в стороны даже без чьего-либо прикосновения, и что тогда станет с нашим символом?

– Как быстро вы обо всем догадываетесь! – в восхищении сказала девушка. – Тогда вот лоскут от моего рукава. Мы свяжем прутики.

Юрген так и сделал, водрузив на дверь нечто похожее на крест.

– Все же, когда кто-нибудь поднимет дверь, все, что лежит на ней, скатится. Не принижая силу ваших чар, не могу не заметить, что в этом случае дело необычайно усложнится. Не полагаясь на силы волшебства, я бы от всей души поверил только в прочный замок.

И девушка оторвала еще один лоскут от подола платья, а потом еще один от правого рукава, и ими они привязали крест к двери так, что прутики нельзя было сдвинуть. Они вско-

чили на прекрасного скакуна, чья уздечка отмечена диадемой, – девушка – по-женски, свесив ноги с одного боку, – и повернули на запад, поскольку, по словам девушки, так было лучше всего.

Она рассказала Юргену, что она – Гиневра, дочь Гогирвана, короля Глатиона и Красных Островов. А Юрген сказал, что он – герцог Логрейский, поскольку чувствовал, что ростовщику не пристало спасать принцесс; и он также поклялся, что вернет ее в целости и сохранности отцу, какие бы попытки ни предпринял Фрагнар. А пока они ехали вместе прекрасным майским утром, госпожа Гиневра поведала Юргену всю историю своего бесчестного похищения и заточения королем Фрагнаром.

Она считала, что король троллей не мог им помешать.

– Теперь у вас есть его заколдованный меч Калибур – единственное оружие, которым можно убить Фрагнара. Кроме того, он не сможет пройти мимо креста. Он узрит его и затрепещет.

– Моя дорогая принцесса, ему нужно лишь толкнуть снизу дверь, и креста, привязанного к ней, тут же не окажется на его пути. Не сумев воспользоваться таким приемом, он может выйти из пещеры через другое отверстие, в которое вошел я. Если у этого Фрагнара есть хоть какой-то рассудок и достаточно упорства, он вскоре будет тут как тут.

– Даже при этом он не сможет причинить никакого вреда, если только мы не примем от него подарка.

Трудность заключается в том, что он появится в чужом облике.

– Что ж, тогда мы ни от кого не примем подарков.

– Более того, существует признак, по которому можно отличить Фрагнара: если отрицаешь то, что он говорит, он тотчас же признает, что ты прав. Это проклятие, наложенное на него Мирамоном Ллуагором, чтобы можно было обнаружить его и противостоять ему.

– По этой, совершенно не свойственной человеку черте, – говорит Юрген, – Фрагнара, наверное, очень легко узнать.



Глава X

Жалкие обличья Фрагнара

Затем история рассказывает, что, едва Юрген с принцессой приблизились к Тихону, к ним подъехал всадник в черных доспехах, а на щите у него был изображен красный змей с яблоком в зубах.

– Милостивый рыцарь, – глухо говорит всадник из-под опущенного забрала, – вы должны уступить эту даму мне.

– По-моему, – почтительно говорит Юрген, – вы ошибаетесь.

Тут они начали драться, и вскоре, поскольку Калибур – неодолимое оружие, а носящего ножны Калибура нельзя ранить, Юрген одержал победу. Он нанес неизвестному рыцарю такой сильнейший удар, что рыцарь упал без чувств.

– Вы думаете, – спрашивает Юрген, собираясь снять с соперника шлем, – что это Фрагнар?

– Распознать невозможно, – ответила госпожа Гиневра. – Если это король троллей, он бы предложил нам дары, а когда вы перечили ему, он должен был признать, что вы правы. Вместо этого он ничего не предлагал, а на возражения никак не ответил, что ничего не доказывает.

– Но молчание – общепринятый знак согласия. В любом случае, мы взглянем на него.

– Но это также ничего не докажет, поскольку Фрагнар выделяет свои проказы настолько замаскированный чарами, что неизменно напоминает кого-нибудь другого, но только не самого себя.

– Допускаю, что такие нечестивые привычки содержат элемент неопределенности, – говорит Юрген. – Все же редко можно ошибиться, приняв верное решение. Он, так или иначе, очень дурно воспитанный малый, вероятно, с гнусными намерениями. Да, главное – осторожность. Полагаясь на самих себя, мы примем верное решение.

Поэтому, не сняв шлема, он отрубил неизвестному рыцарю голову и так оставил его. Принцесса же вскочила на коня убитого противника.

– Несомненно, – говорит тут Юрген, – волшебный меч – прекрасная штука и, к тому же, весьма необходимое снаряжение для странствующего рыцаря моих лет.

– Но вы говорите так, словно вы старик, мессир де Логрей!

«Ну и ну, – думает Юрген, – эта принцесса не очень-то разборчива. Но что такое, в конце концов, сорок с хвостиком, когда мужчина хорошо сохранился? Эта необычайно разумная девушка немного напоминает мне Маркуэву, которую я любил в Аргене. Кроме того, она смотрит на меня не так, как смотрят женщины на пожилого человека. Мне действительно нравится эта принцесса, я ее просто обожаю. Интересно, что она заявит, если я ей все расскажу?»

Но Юрген на сей раз не стал искушать судьбу, так как в этот момент им повстречался мальчик с завитыми волосами и нарумяненными щеками. Он жеманно семенил ножками, был одет в чудной черный наряд, усыпанный золотыми ромбами, и нес позолоченные вилы для навоза.

* * *

Тут Юрген и принцесса подъехали к серебряно-черному павильону, стоящему у дороги. У дверей павильона цвела яблоня, а на одной из ее веток висел черный охотничий рог, отделанный серебром. Здесь же ждала кого-то некая женщина. Перед ней располагалась шахматная доска с расставленными для игры фигурами из серебра и черного дерева, а по левую руку

на столике сверкали серебряные кубки и бокалы. Женщина проворно поднялась и подошла к путникам.

– О мой дорогой Юрген, – говорит она, – как мило ты выглядишь в новой рубаше! Ни у кого никогда не было к нарядам лучшего вкуса – я всегда это говорила. Я так долго ждала тебя в этом павильоне, принадлежащем одному черному человеку, который, по-видимому, твой большой друг. Но этим утром, он, к несчастью, отправился в Крымские Тартары с какими-то проповедниками, и я знаю, как он будет сожалеть, что разминулся с тобой, мой милый. Но я забыла, что ты после своих путешествий, наверно, очень устал и хочешь пить, мой дорогой. Так что сделайте с твоей юной дамой по глотку, а потом мы расскажем друг другу о наших приключениях.

Женщина эта внешне походила на жену Юргена – госпожу Лизу. Юрген рассмотрел это обстоятельство с двух сторон.

– Вы определенно похожи на Лизу. Но я видел Лизу в таком дружелюбном настроении лишь много лет назад.

– Ты должен знать, – говорит она, по-прежнему улыбаясь, – что с тех пор, как мы расстались, я научилась ценить тебя.

– Возможно, это чудо сотворил демон, укравший тебя. Тем не менее ты встретила меня едущим верхом навстречу приключениям с молодой женщиной. И ты не набрасываешься на нас, даже не повышаешь голоса. Нет! Совершенно определенно, здесь имеет место диво дивное, на которое нет сил ни у какого демона.

– О, но я очень много думала, дорогой Юрген, о наших с тобой разногласиях в прошлом. И мне кажется, что ты почти всегда был прав.

Гиневра подтолкнула Юргена локтем.

– Вы заметили? Это, несомненно, Фрагнар в чужом обличье.

– Начинаю думать, что в любом случае это не Лиза. – Тут Юрген солидно откашлялся. – Лиза, если ты в самом деле Лиза, ты должна понять, что у нас с тобой все кончено. Незамысловатая истина заключается в том, что ты меня утомила. Ты так много говоришь, что вряд ли найдется женщина, чьи легкие сравнятся с твоими по объему. Но при этом ты не сказала ничего такого, чего бы я не слышал семьсот восемьдесят раз, если не больше.

– Ты совершенно прав, мой милый, – жалобно говорит госпожа Лиза. – Но я же никогда не притворялась, что так же умна, как ты.

– Если можно, избавь меня от своей лжи. И, кроме того, я влюблен в эту принцессу. Избавь меня и от встречных обвинений, потому что у тебя нет никакого права выражать недовольство. Если бы ты оставалась особой, которую я обещал, священнику любить, я бы продолжал души в тебе не чаять. Но отзывчивую и веселую девушку, думавшую, что все мои поступки – само совершенство, ты решила превратить в необычайно безобразную и вспыльчивую старуху. – И тут Юрген замолчал. – А? – спросил он. – Разве ты этого не сделала?

Госпожа Лиза печально ответила:

– Мой милый, ты совершенно прав со своей точки зрения. Однако я не могу не стареть.

– Но, Боже мой! – сказал Юрген. – Это же потрясающе неподобающее исполнение роли, как сразу же увидел бы любой женатый мужчина. Я не договаривался любить такую безобразную и вспыльчивую особу. Я отвергаю требования такой особы как явно несправедливые. Я отдаю свою бессмертную привязанность этой возвышенной и благородной принцессе Гиневре, являющейся самой прекрасной дамой, которую я когда-либо видел.

– Ты прав, – возопила госпожа Лиза, – а во всем виновата я. Потому что любила тебя и хотела, чтобы ты преуспел в высшем свете и сделал честь отцовскому делу, чем я тебя также изводила. Но ты никогда не поймешь чувств жены, как и того, что сейчас я превыше всего желаю тебе счастья. Вот наше обручальное кольцо, Юрген. Возвращаю тебе твою свободу. И

молю, чтобы эта принцесса смогла сделать тебя очень счастливым, мой милый. Ты наверняка заслуживаешь принцессы, как никто другой.

Юрген покачал головой.

– Поразительно, что злой дух, о котором так много говорят, настолько плохой актер. Он выдвигает шаткое предположение, что большинство замужних женщин должно отправиться на Небеса. Что касается твоего кольца, я этим утром ни у кого не принимаю подарков. И, полагаю, ты понимаешь, что я безумно увлечен принцессой вследствие ее красоты.

– О, не могу винить тебя, мой милый. Она – прелестнейшая особа, которую я когда-либо видела.

– Ха, Фрагнар! – говорит Юрген. – Теперь ты попался. Женщина бы могла, вероятно, допустить собственную невзрачность, но ни одна из живших когда-либо женщин не признала бы в принцессе ни малейшей красоты.

Тут он взмахнул Калибуром и отрубил голову существу, которое так бездарно притворялось госпожой Лизой.

– Здорово! О, великолепно! – воскликнула Гиневра. – Теперь чары исчезли, и Фрагнар убит моим умным защитником.

– Мне бы хотелось иметь более верный признак этого, – сказал Юрген. – Я бы предпочел, чтобы павильон и обезглавленный король троллей исчезли в сопровождении раскатов грома, землетрясения и других подобающих случаю явлений. В действительности же ничего не изменилось. Лишь женщина, говорившая со мной минуту назад, лежит у моих ног в весьма неприглядном виде. Понимаете ли, сударыня, я обычно дразнил ее по поводу изогнутого мизинца еще до того, как мы начали пререкаться из-за пустяков. И меня раздражает, что Фрагнар не пропустил даже кривого мизинца у нее на левой руке. Да, такая кропотливая точность беспокоит меня. Поймите также, сударыня, было бы некрасиво, если бы я совершил ошибку и за внешностью не распознал ее настоящего обладателя, поскольку мне иногда случается перестараться. В любом случае, я сделал то, что казалось мне справедливым, и не обнаружил при этом никаких угрызений совести, но мне это место не нравится.

Глава XI

Явление герцога Логрейского

Юрген смахнул со стола шахматные фигуры расставленные для игры, и вылил содержимое серебряного кубка на землю. Причину того, почему он не стал связываться с рогом, он объяснил принцессе: та вздрогнула и сказала, что в таком случае он, определенно, очень благоразумен. Затем они вскочили на коней и ускакали от серебряно-черного павильона. В скором времени они без приключений добрались до Камельяра – города Гогирвана Гора.

Когда люди узнали, что к ним вернулась их принцесса, повсюду послышались крики и зазвонили колокола. На домах развевались цветные полотнища, звучали трубы, когда Гиневра и Юрген входили к королю в его Судный Зал. И этот самый Гогирван, который был королем Глатиона и властелином Энисгарта, Камвея и Саргилла, сошел с широкого трона и обнял сначала Гиневру, а потом Юргена.

– Требуй от меня чего хочешь, герцог Логрейский, – сказал Гогирван, когда услышал имя победителя, – ты заслужил это право, возвратив мне самую любимую дочь, которая является гордостью величественного короля.

– Сударь, – разумно ответил Юрген, – служба, исполняемая с радостью, уже сама по себе – награда. И я прошу, чтобы вы, в свою очередь, возвратили мне принцессу Гиневру посредством почетного брака – понимаете? Потому что я бедный несчастный вдовец, в чем я абсолютно уверен. И я совершенно уверен также, что люблю вашу дочь всем сердцем.

Таков был Юрген, красноречию которого мешали душевные переживания.

– Не понимаю, что общего состояние вашего сердца имеет с такой неразумной просьбой. Бессмысленно просить меня об этом, когда слуги Артура, являющегося сейчас королем бриттов, пришли просить мою дочь ему в жены. Вы сказали, что вы – герцог Логрейский, и я признаю, что герцог – это очень здорово, но я ожидаю, что вы, в свою очередь, согласитесь с любым человеком, у которого дочь на выданье, что король имеет преимущество перед герцогом. Но завтра или, быть может, послезавтра мы с вами поговорим о награде более частным образом. Между тем вы выглядите очень странным и очень напуганным для человека, одолевшего Фрагнара.

Юрген уставился в большое зеркало за королевским тронном. В этом зеркале он увидел затылок венценосной головы Гогирвана, а за ним – странного, испуганного молодого человека с прилизанными черными волосами, вздернутым носом и широко открытыми, ясными карими глазами, которые в упор уставились на Юргена. А очень красные и очень пухлые губы этого парня были полуоткрыты, так что виднелись прекрасные крепкие зубы. И на нем была блестящая рубаха с причудливым рисунком.

– Полагаю, – сказал Юрген и увидел, что парень в зеркале тоже говорит, – полагаю, у вас замечательное зеркало.

– Как любое другое, – отвечает король. – Показывает вещи такими, какие они есть. Но если оно вам нравится, что ж, берите его, пожалуйста, в качестве награды.

– А вы по-прежнему говорите о наградах! – восклицает Юрген. – Если это зеркало показывает вещи такими, какие они есть, то я вышел из своей взятой на время среды в возрасте двадцати одного года. О, я был умным малым, что так хитро льстил Матушке Середке и обманом добился такой щедрости! И я дивлюсь, что вы – лишь какой-то король с затуманенным взором под короной и со свисающим брюшком под всеми вашими царскими одеждами – говорите о награждении прекрасного молодого человека двадцати одного года, ибо у вас нет ничего, что бы мне сейчас понадобилось.

– Значит, вы не будете больше досажать мне своим вздором относительно моей дочери? Это превосходное известие.

– Теперь у меня нет нужды просить ваших милостей, – сказал Юрген, – да и расположения любого ныне живущего человека, у которого есть привлекательная дочь или жена. Теперь мне помогает юноша, что совсем недавно сделался герцогом Логрейским. А с его внешностью я могу постоять за себя и могу добиться справедливости где угодно, во всех спальнях на свете.

Юрген махнул рукой и уже собирался отвернуться от короля. Зал был наполнен солнечным светом, так что в полуобороте он встретился со своей тенью, лежавшей на плитах пола. Юрген очень пристально на нее посмотрел.

– Конечно, – сказал он спустя некоторое время, – я, так сказать, с добрыми намерениями перефразировал великолепный, но затасканный пассаж из Сорнатия, с которым вы, без сомнения, знакомы, в котором он говорит, намного красивее, чем я могу выразить, не цитируя слово в слово, о том, что все это было сказано в шутку и без малейшей попытки кого-либо обидеть – кого угодно, могу вас уверить, сударь.

– Отлично, – сказал Гогирван Гор и улыбнулся без очевидного для Юргена повода. А тот все рассматривал сбоку свою тень. – Повторяю, что завтра я должен буду поговорить с вами в более частной обстановке. Сегодня же я даю пир, которому не было равных в этих краях, потому что мне возвращена моя дочь и потому что дочь станет королевой всех бриттов.

Так сказал Гогирван, являвшийся королем Глатиона и властелином Энисгарта, Камвея и Саргилла: и с этим было покончено. А на пиру Юрген повсюду слышал разговоры об этом короле Артуре, который должен жениться на госпоже Гиневре, и о пророчестве молодому монарху Мерлина Амброзия. Мерлин предсказал: «Он придет на помощь и наступит на горло своим врагам; острова в океане покорятся ему, и он завладеет Галлийскими лесами; дом Ромула устрашится его гнева, а его деяния станут пищей для рассказчиков».

«Что ж, тогда, – говорит Юрген самому себе, – этот монарх во всем напоминает мне Давида Израильского, который был в древние века так великолепен, жаден и знаменит. Ибо к лесам, островам, горлу врагов и другим владениям этот Артур Пендрагон наверняка прибавит и моего жертвенного ягненка. А у меня нет Нафана, который бы привел его к раскаянию. И это, разумеется, очень нечестно».

Затем Юрген вновь посмотрел в зеркало: и вскоре в глазах юноши, которого он там обнаружил, вспыхнул огонек.

– Берегись, Давид, – отважно сказал Юрген. – Поскольку, в конце концов, я не вижу причин для отчаянья.



Глава XII

Отклонение от темы и погубленная Иоланта

Теперь Юрген, самозванный герцог Логрейский, пребывал при дворе короля Гогирвана. Месяц май прошел быстро и бесхлопотно. Но чудовищная тень, преследовавшая Юргена, не исчезала. И, самое главное, ее никто не замечал. Что касается самого Юргена, то он не боялся теней, и странности этой тени было недостаточно, чтобы отвлечь его мысли от Гиневры и от его любви к Гиневре.

Сейчас в Глатионе царили спокойные времена, когда война с Риенсом Нортгальским закончилась победой, и в моде повсеместно была любовь. Развлекаясь, мужчины выезжали на соколиную охоту, ходили на рыбную ловлю и дружески рубили и колотили друг дружку на турнирах. Но их по-настоящему серьезным занятием являлось ухаживание за дамами в манере рыцарей, которые знают, что вскоре королевские трубы призовут их на менее мягко застеленные поля сражений, с которых они могут и не вернуться. Так что Юрген вздыхал, пел оды и строил дамам глазки вместе со многими другими превосходными воинами. А принцесса слушала их комплименты вместе со множеством других дам, чьи сердца были далеко не каменными. А Гогирван размышлял.

У Гогирвана появилась царственная привычка: когда около полудня подавали обед, он не приступал к приему пищи до тех пор, пока не оказывал всех почестей победителю с целью загладить обиду.

Однажды, когда изможденный король сидел вот так в главном зале на троне, набитом зеленым тростником и покрытом желтым атласом, с желтой атласной подушечкой под локтем и со своими баронами, выстроившимися согласно рангу, появилась некая девица с душераздирающим рассказом о притеснениях, которым она подверглась.

Выслушав ее, Гогирван закрыл глаза и кивнул.

– Вы самая привлекательная женщина, которую я встретил за долгое время, – совершенно неуместно сказал он. – Вы женщина, которую я ждал. Рискованным предприятием – защитой вашей чести – займется герцог Юрген Логрейский.

Делать было нечего, и Юрген, не совсем довольный, выехал с этой госпожой Иолантой. Но пока они ехали, он с ней смеялся и шутил. Так, в сопровождении смеха, Иоланта препроводила его к Зеленому Замку, который отнял у нее отвратительнейший великан Гремагог.

– Рыцарь, готовься к встрече со смертью! – воскликнул Гремагог, жутко смеясь и размахивая дубиной. – Я поклялся убить всех рыцарей, проходящих сюда.

– Если говорить правду – грех, то вы очень добродетельный великан, – сказал Юрген и поднял меч Фрагнара – неодолимый Калибур.

Затем они начали драться, и Юрген убил Гремагога. Так Зеленый Замок был возвращен госпоже Иоланте, а девушки-служанки были освобождены из погребов. Сейчас они назывались девушками лишь вследствие этикета, но настолько нежны были сердца женщин, что все они оплакивали Гремагога.

Иоланта была очень благодарна и предложила Юргену любую награду.

– Нет, я не возьму ни одной из этих прекрасных драгоценностей, ни денег, ни земель, – говорит Юрген, – потому что Логрей, должен вам сказать, – довольно состоятельное герцогство, а поединки с великанами – мое любимое времяпрепровождение. Моральное удовлетворение – лучшая плата. Однако, если вы непременно хотите наградить меня за эту небольшую услугу, обещайте помочь мне добиться любви дамы моего сердца, и этого будет достаточно.

Иоланта без особого энтузиазма согласилась. Иоланта, в самом деле, по просьбе Юргена поклялась четырьмя Евангелистами сделать все, что в ее силах, и оказать ему содействие.

– Отлично, – сказал Юрген, – вы пообещали, а люблю-то я именно вас.

Удивление приумножило женскую прелесть. Иоланта от всего сердца обрадовалась при мысли о браке с молодым герцогом Логрейским и предложила тотчас же послать за священником.

– Моя дорогая, – сказал Юрген, – нет нужды беспокоить священника из-за наших личных дел. Она поняла его мысль и вздохнула.

– Теперь я сожалею, – сказала она, – что дала такую торжественную клятву. Ваша выходка бесчестна.

– Ничего подобного, – сказал Юрген, – и некоторое время спустя вы не пожалеете об этом. Игра в самом деле стоит свеч.

– Когда это станет очевидным, мессир де Логрей?

– Как же, естественно, при свете свечей, – ответил Юрген.

– В таком случае мы больше не будем говорить об этом до вечера.

А вечером Иоланта послала за Юргеном. Она была, как и сказал Гогирван, необычайно привлекательной женщиной – пышной, холеной и увенчанной медного цвета волосами. В этот день она была хороша как никогда, в блестящем голубом платье с золотым шитьем и с расширенными золотом длинными рукавами, касавшимися пола. Вот такой она предстала перед Юргеном.

– Теперь, – нахмурясь, сказала Иоланта, – вы можете напрямик заявить о том, на что вы намекали утром.

Прежде всего Юрген оглядел комнату: она освещалась высоким позолоченным канделябром, на котором горели свечи.

Он их пересчитал и присвистнул.

– Семь свечей! По правде сказать, милая моя, вы оказали мне высокую честь, поскольку это чересчур сильная иллюминация. Можно подумать, что вы чтите меня, как святого, семью свечами! А я лишь простой смертный, но тем не менее я – Юрген и попытаюсь отплатить за такую высочайшую любезность сполна.

– О, мессир де Логрей, – воскликнула госпожа Иоланта, – какой непостижимый вздор вы несете! Вы все неверно истолковали, и могу вас уверить, что у меня на уме ничего подобного не было. Кроме того, я вообще не понимаю, о чем вы говорите.

– На самом деле, должен предупредить вас, что часто мои поступки говорят за себя без-ошибочнее слов. Это то, что ученые люди называют идиосинкразией.

– ...И я определенно не понимаю, какое отношение к этому имеют какие-то святые. Вы сказали, что четыре Евангелиста... Ибо мы сегодня утром говорили, если вы помните, о четырех Евангелистах... О, но как глупо с вашей стороны, мессир де Логрей, стоять ухмыляясь и смотреть на меня так, что я краснею!

– Это легко излечимо, – сказал Юрген, задувая свечи, – поскольку в темноте женщины не краснеют.

– Что вы задумали, мессир де Логрей?

– О, не тревожьтесь! – сказал Юрген. – Я обойдусь с вами вполне благородно.

И Иоланта на самом деле впоследствии признала, что при ближайшем рассмотрении мессир де Логрей оказался очень благороден. Юрген ни в чем не признавался. А так как комната была совершенно темна, никто другой не может со всей ответственностью сказать, что именно там произошло. Достаточно того, что герцог Логрейский и хозяйка Зеленого Замка расстались позднее весьма по-дружески.

– Вы погубили меня своими играми, свечами и щепетильным возвратом любезностей, – сказала Иоланта, зевая, поскольку ей хотелось спать. – Но, боюсь, я не ненавижу вас так, как следовало бы.

– Ни одна женщина никогда этого не делала, – сказал Юрген, – в такой час. – Он приказал принести завтрак, а затем поцеловал Иоланту, потому что это, как сказал Юрген, час их расставания, и он ускакал из Зеленого Замка в отличном настроении.

– Как же замечательно опять стать прекрасным молодым юношей! – сказал Юрген. – Даже если ее большие карие глаза чересчур навывкате – как у рака, – эта госпожа Иоланта великолепная женщина. И приятно думать и знать, как справедливо я с ней обошелся.

Затем он вернулся в Камельяр, радостно распевая при мысли, что направляется к принцессе Гиневре, которую любил всем сердцем.



Глава XIII

Философия Гогирвана Гора

В Камельяре молодой герцог Логрейский проводил большую часть времени в обществе Гинервы, чей отец открыто этому не препятствовал. И Гогирван провел обещанную беседу с Юргеном. – Я сокрушаюсь, что госпожа Иоланта чересчур сдержанно обошлась с вами, – в первую очередь сказал король. – Я рассудил, что вы вдвоем будете, как искра и трут, устраивающие огромный пожар, который сожжет весь вздор в вашей голове относительно моей дочери.

– Сдержанность, сударь, – осторожно сказал Юрген, – общеизвестная добродетель, а огонь не может поглотить настоящую любовь.

– Это правда, – признал Гогирван, – кто бы это ни говорил. – И он вздохнул.

Затем какое-то время он сидел в дремотной задумчивости. В этот вечер на короле была довольно поношенная мантия из какой-то черной материи с меховой оторочкой на вороте и рукавах, а его редкие седые волосы прикрывала очень потертая черная шапочка. Он копошился у слабого огня в большом каменном камине, украшенном щитами. Рядом с ним стояло белое и красное вино, которое оставалось нетронутым, пока Гогирван размышлял над беспокоившими его вещами.

– Значит, так! – произнес наконец Гогирван Гор. – Эта свадьба с великим королем бриттов, конечно же, должна состояться. О ней договорились в прошлом году, когда Артур и его торговцы чертовщиной – Хозяйка Озера и Мерлин Амброзий – взяли на себя труд спасти меня в Кароэзе. Я полагаю, что послы Артура, вероятно, сами торговцы чертовщиной, приедут за моей дочерью в июне. Между тем у вас двоих вместо игрушек есть молодость и любовь, а сейчас весна.

– Что для меня время года, – простонал Юрген, – когда я размышляю, что через неделю или чуть больше даму моего сердца увезут от меня навеки? Как я могу быть счастлив, когда знаю, что наступают долгие годы страданий и тщетного сожаления?

– Вы говорите так, – заметил король, – отчасти потому, что выпили лишку прошлой ночью, а отчасти потому, что, по-вашему, этого от вас и ждут. В сущности же, вы счастливы, как может быть счастлив любой в этом мире, по той простой причине, что вы молоды. Страдания, раз уж вы употребили это слово, я считаю поэтическим тропом, но могу вас уверить, что тогда, когда вы больше не будете молоды, так или иначе придут годы тщетного сожаления.

– Это правда, – искренне сказал Юрген.

– Откуда вы знаете? Значит, так: если б я даже был достаточно безумен, чтобы отдать дочь за простого герцога, вы бы от нее ужасно устали. Могу уверить вас в этом, так как по своему нраву Гиневра – вылитая мать. Она, конечно же, мила внешне, потому что в этом пошла по моей линии. Но, между нами, она не особенно разумна и всегда будет строить глазки мужчинам. Сегодня пришел ваш черед служить ей мишенью – в прекрасной блестящей рубахе, ничего похожего на которую никогда не видели в Глатионе. Я считаю ваши права в качестве победителя, спасшего ее, предосудительными, но даже при этом не могу их отрицать. И должен просить вас использовать такой поворот событий наилучшим образом.

– Между тем мне приходит на ум, сударь, что не совсем разумно обручать дочь с одним человеком и разрешать ей свободно разгуливать с другим.

– Если вы настаиваете, – сказал Гогирван Гор, – я, конечно, могу запереть вас обоих в отдельные темницы до дня свадьбы. Но мне кажется, что вы-то должны жаловаться в последнюю очередь.

– Скажу вам прямо, сударь, что разборчивые люди заявили бы, что вы очень мало заботитесь о чести дочери.

– На это есть несколько ответов, – сказал король. – Первый состоит в том, что я вспоминаю покойную жену с большой нежностью и думаю, что у меня есть лишь ее слово в отношении того, что Гиневра – моя дочь. Другой ответ гласит, что хотя моя дочь – тихая, хорошо воспитанная молодая женщина, я никогда не слышал, чтобы король Фрагнар был чем-то в этом же роде.

– О, сударь, – ужаснувшись, сказал Юрген, – на что вы намекаете?

– В пещерах происходят всевозможные вещи – вещи, которыми мудрее пренебрегать при солнечном свете. Я и пренебрегаю! Я не задаю вопросов. Мое дело – пристойно выдать дочь замуж и только. Открытия, которые может сделать ее муж впоследствии, – его трудности, а не мои. Вот что я мог бы сказать вам, мессир де Логрей, в качестве ответа. Но настоящий ответ – попросить вас обдумать такое заявление: честь женщины обеспокоена одной-единственной вещью, а честь мужчины этой вещью не обеспокоена вовсе.

– Но вы говорите загадками, король, и я не понимаю, чего вы от меня хотите.

Гогирван ухмыльнулся.

– Очевидно, я советую вам быть благодарным, что вы родились мужчиной, поскольку у сильного пола намного меньше нужды волноваться по поводу разрыва.

– Какого разрыва? – спросил Юрген.

Гогирван рассказал ему.

Герцог Логрейский во второй раз ужаснулся.

– Ваши умствования, король, отвратительны и вряд ли облегчат мои страдания. Однако мы говорим о вашей дочери, и рассматривать нужно скорее ее, чем меня.

– Теперь я чувствую, что вы меня правильно поняли. Но во всем, касающемся моей дочери, я хочу, чтобы вы лгали, как порядочный человек.

– Боюсь, сударь, – сказал Юрген после небольшой паузы, – что вы человек с отчасти вырождающимися идеалами.

– Но вы же молоды. Молодость, будучи достаточно энергична, может позволить себе идеалы и выдерживать тяжелые удары, которые из-за этих идеалов получает их владелец. Но я-то старик, мучимый вялым сердцем и довольно пронизательным взглядом на жизнь. Такое сочетание, мессир де Логрей, очень часто вынуждает меня не вовремя смеяться просто потому, что я знаю, что вот-вот совершенно некстати расплачусь.

Так ответил Гогирван. Он некоторое время молчал, созерцая огонь. Затем махнул сморщенной рукой в сторону окна и начал задумчиво говорить:

– Мессир де Логрей, сейчас в моем городе Камельяре ночь. А где-то одна из крыш скрывает девушку, которую назовем Линеттой. У нее есть возлюбленный – скажем, его зовут Саграмор. Имена не важны. Этой ночью, когда я говорю с вами, Линетта неподвижно лежит на широкой резной кровати, которая прежде принадлежала ее матери. Она думает о Саграморе. Комната темна, только лунный свет серебрит ромбовидные стекла в старинных окнах. В каждом углу комнаты таятся трепещущие тени.

– О, сударь, – говорит Юрген, – да вы тоже поэт!

– Не перебивайте меня! Линетта, повторяю, думает о Саграморе. Они сидят у озера под яблоней, более старой, чем Рим. Узловатые ветви подняты, словно в благословении, а лепестки соцветий – дрожащие, трясущиеся, колышущиеся, – вечные белые лепестки беззвучно падают в тишине. Никто не произносит ни слова, ибо в этом нет нужды. Саграмор молча смахивает лепестки с черных волос девушки и молча целует ее. Озеро сумеречно и полупрозрачно, как нефрит. Низко на бледном небе светят две одинокие звезды. Забавно, что грудь у мужчины волосатая, очень забавно! Поет какая-то птица, и серебряная игла звуков пунктиром прокалывает тишину. Разумеется, высокие небеса окрашены в спокойные, удивительно прелестные тона. Так, по крайней мере, думает Линетта, лежа без движения, как мышка, на широкой кровати, на которой она родилась.

– Очень волнующий штрих, – вставил Юрген.

– Теперь возникает совсем иное пение. Сейчас в этой песне закрываются кабаки, гремят ставни, шаркают подошвы и икают пьяные. Саграмор убивает любовную песню. Он льет хмельные слезы, подбираясь все ближе и ближе к окну Линетты, а его сердце полно великодушия, ведь Саграмор празднует свою самую последнюю победу. Не думается ли вам, что это или нечто похожее происходит сейчас в моем городе Камельяре, мессир де Логрей?

– Это происходит ежеминутно, – сказал Юрген, – повсюду, потому что такова порой каждая женщина и таков постоянно каждый мужчина.

– Это жуткая истина, – продолжил Гогирван. – Вы можете воспринять ее в качестве одной из многих причин, почему я не вовремя смеюсь, чтобы нехстати не расплакаться. Ибо это происходит: происходит в моем городе и в моем замке. Хотя я и король, я не в силах предотвратить это. Я могу лишь пожать плечами и взбодрить старую кровь новой бутылочкой. Тем не менее, я сильно привязан к молодой женщине, которая, вполне возможно, является моей дочерью. И вам было бы полезно вспомнить это обстоятельство, мессир де Логрей, если вас когда-либо будут проверять на искренность.

Юрген ужаснулся.

– Но, сударь, немыслимо, чтобы я повел себя с принцессой нечестно.

Король Гогирван продолжал смотреть на Юргена. Гогирван Гор ничего не говорил, и ни одна мышца на его лице не дрогнула.

– Хотя, конечно, – сказал Юрген, – из простой справедливости по отношению к ней я никогда добровольно не стану обсуждать какие-либо сведения, могущие причинить ей боль.

– Вновь я чувствую, – сказал Гогирван, – что вы меня понимаете. Однако я говорил не только о дочери, но обо всех.

– Как же тогда, сударь, вы хотите, чтоб я обращался со всеми?

– Что ж, я лишь могу повторить свои слова – сказал Гогирван весьма настойчиво. – Я хотел бы, чтоб вы лгали, как порядочный человек. А теперь уходите, я хочу спать. Я не проснусь до тех пор, пока моя дочь не выйдет замуж. И это единственное что я могу для вас сделать.

– Вы думаете, король, что такое поведение достойно уважения?

– О, нет же! – с удивлением проговорил Гогирван. – Это то, что мы назовем филантропией.



Глава XIV

Предварительная тактика герцога Юргена

Так Юрген жил при дворе и какое-то время был доволен своим положением. Он любил принцессу – прекраснейшую и совершеннейшую из смертных, и он любил ее (обстоятельство, которое вновь и вновь приходило ему на ум) так, как не любил никто за всю всемирную историю! А очень скоро ему предстояло посторониться и увидеть, как она выходит замуж за другого. Такая ситуация доставила бы наслаждение рыцарственному двору Глатиона, так как в точности выполнялось все, требуемое для рыцарского романа.

Внешность Гиневры, которую Юрген любил всем сердцем, такова: она была среднего роста, а ее фигура еще не вполне стала фигурой женщины; у нее были прекрасные, очень густые волосы пшеничного цвета; когда Гиневра распускала волосы, Юрген, словно за настоящим чудом наблюдал, как они, ниспадая, прилегают к маленькой головке и тонкой шейке, а затем смело рассыпаются и обволакивают ее плечи легким нежным потоком бледного золота. Юрген получал истинное наслаждение от ее волос и при все усиливающейся близости любил притянуть большие пряди к своему затылку, переплести их там и прижать нежные пригоршни ее душистых волос к своим щекам, целуя принцессу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.